

Ирина ЛЕВИТ

ОДНАЖДЫ ЕМУ ПОВЕЗЛО...

П о в е с т ь

1.

Олег Валерьянович Совков всегда мечтал жить там, где тепло. И желательно — у моря. Но с рождения жил в Сибири, где пять месяцев зима. Хотя море было — правда, искусственное.

Олег Валерьянович Совков всегда не любил кладбища: его пугала их смиренная безнадежность. Но уже семнадцать лет приходил сюда в один и тот же день — второго августа. Конечно, приходил и в другие дни, однако в этот — непременно. Только один раз он пропустил день свидания с матерью, которую семнадцать лет назад, второго августа, положил в могилу под невысокой осинкой.

Эта осинка всегда смущала. Совков чурался всяких суеверий, но почему-то постоянно вспоминал, что именно осиновый кол втыкали в могилу ведьмы. Мать Олега Валерьяновича не осмелился бы назвать ведьмой даже самый злоязычный человек. Она была настолько жалостливой, наивной и незащитной, что становилось даже удивительно, как она смогла уцелеть в этой жизни. Вот муж ее и двое старших детей не уцелели — их смела война, оставив из милости лишь Олеженьку, Олега, Олега Валерьяновича...

Он очень походил на мать, и это служило ей утешением.

Совков сидел у могилы часа два — вспоминал, просил прощения... Ему было в чем покаяться, и он надеялся, что его простят. Он положил на серую шероховатую плиту букетик цветов, любимых матерью астр, и побрел со смиренного кладбища в свою совсем не смиренную жизнь.

...Он сразу понял, что хоронят кого-то значительного: могила была вырыта рядом с центральными воротами, за которыми выстроилась вереница шикарных машин; обилие венков напоминало оранжерею, где нет ни одной искусственной веточки; а гроб, похожий на саркофаг, переливался полировкой и позолотой. Но примечательнее всего была публика: мужчины в строгих темных костюмах и женщины в элегантных черных платьях. Таких женщин ныне обычно показывали по телевизору — на великосветских

приемах, — причем Совков не раз думал, что мода перепуталась, как сама жизнь, и теперь, глядя на черноплательных дам, уже не поймешь: то ли они собрались радоваться, то ли скорбеть. И выражение лиц у этих женщин и мужчин было особое — непохожее на привычную кладбищенскую мозаику, где рядом глубокое горе и вежливая печаль, а значительно-серьезное и одно на всех.

Олег Валерьянович никогда не проявлял любопытства к чужим похоронам. Ему казалось, заглядывать в чужой гроб — все равно что в замочную скважину. Но тут он вдруг остановился, поскольку через разомкнувшуюся людскую плотность увидел большой, не менее метра в высоту, портрет в массивной раме. Точнее, это была фотография мужчины с крупным, почти квадратным лицом, плотно сжатыми губами и бесстрастным взглядом. Ее, конечно же, сделали с живого человека, но впечатление создавалось, будто неизвестный фотограф запечатлел каменный бюст с аллеи героев-полководцев.

За последние дни Совков видел эту фотографию несколько раз. Местные каналы телевидения с вдохновенным рвением демонстрировали это лицо, неизменно подчеркивая, что теперь от него, равно как от всего мужчины, не осталось ровным счетом ничего. Неизвестный изувер с помощью взрывного устройства разнес в клочки одного из самых крупных и, безусловно, самого загадочного бизнесмена города — президента компании «Консиб» Георгия Александровича Кохановского.

Телевизионщики и здесь, на кладбище, пытались ухватить последний миг пребывания на земле этого, как убеждали в своих комментариях журналисты, таинственного человека, но их оттесняли крепкие молчаливые парни. Совкову стало жаль журналистов — людей, которые, в отличие от него самого, любопытны по профессии, но которым ни разу не удалось при жизни Георгия Александровича Кохановского перемолвиться с ним даже словом. Об этом тоже говорилось в телевизионных комментариях, причем подчеркивалось, что президент «Консиба» не только никогда не давал интервью и не появлялся на публике, но и вообще практически ни с кем не встречался лично. Все это делали его заместители, его помощник, оставляя своему патрону священное право быть мозгом крупнейшей и процветающей компании.

Да, практически никто не мог похвалиться, что общался с Кохановским напрямую, и даже смерть ему была уготована такая, что прощальные слова люди адресовали не человеку, пусть и мертвому, а плотно закрытому гробу.

Совков действительно не был любопытным и никогда не стремился к чужим могилам. Но сейчас не мог пройти мимо. Он был тем редким счастливецом, которому повезло однажды увидеть Георгия Александровича вблизи, говорить с ним и быть им выслушанным.

Когда это случилось? Да ровно девять лет назад, второго августа тысяча девятьсот девяносто первого года. Именно тогда в первый и последний раз Совков пропустил день свидания с матерью.

— Олег Валерьянович? Рад, искренне рад!

Пилястров стоял у входа и улыбался. На вид ему было лет тридцать, и вид этот был очень и очень впечатляющий — такой вычищенный, выглаженный, почти отполированный. Аккуратная стрижка — волосок к волоску, серый костюм — без единого излома, галстук — темно-бордовый со светлыми полосками. Смотреть на Пилястрова было приятно. И — завидно.

Конечно, Совков позавидовал не прическе, хотя у него самого она давно превратилась в основательно прореженную поросль. И не костюму (совковский, тоже серый, доживал век молодящимся пенсионером). И, разумеется, не галстуку (его собственный, хоть и вполне приличный, еще помнил расцвет ныне покойной ГДР). Совков позавидовал возрасту. Не зло позавидовал, не по-черному, а так, как завидуют старики сильным своей молодостью юношам. Хотя стариком Совков не был. Пятьдесят два года — разве это конец жизни?

Но он подумал: какое славное время! Тридцатилетний человек — уже такой большой человек! А сам он в свои тридцать лет был никем, который, может, и станет всем, а скорее всего, не станет. Он был лаборантом кафедры в электротехническом институте — застоявшимся кандидатом в аспиранты. Впрочем, именно в тридцать лет он принял очень серьезное решение — ушел с кафедры, и его укоряли, дескать, он слишком быстро хочет получить от жизни все.

— И я рад! Искренне рад! — искренне воскликнул Совков.

Он был рад, что за ним прислали машину (никогда для встречи с ним никто не присылал машин), что вообще встречали его у самого порога (это даже вообразить было невозможно), а главное — что наконец-то состоялась сама эта встреча. Вот он, Сергей Борисович Пилястров, такой молодой и симпатичный, такой вежливый и внимательный, очень большой человек в очень большой компании, вот он весь, как есть, — знак негаданной удачи.

Олег Валерьянович посмотрел на часы — на свои красивые импортные часы, которые были тоже негаданным подарком очень большого человека. Часы показывали без пятнадцати двенадцать. Совков никогда не опаздывал на встречи — ему вполне хватало того, что он опаздывал в жизни. Но Совков всегда боялся опоздать, и сегодня особенно. Сегодня, в двенадцать часов, Сергей Борисович Пилястров должен был привести Олега Валерьяновича к президенту знаменитой компании «Консиб» Георгию Александровичу Кохановскому — человеку, который лично почти никогда никого не принимал, однако Совкова принять обещал. Удивительная удача!

Перед выходом из дома жена Лида долго оглаживала его пиджак и поправляла галстук (ей все казалось, что плечи пиджака слегка заминаются, а узел галстука съезжает набок), потом взяла Олега Валерьяновича

под локоть и перекрестила. Совков сильно удивился — отродясь в его семье Бога никто не вспоминал.

— Да так уж, на всякий случай, — сказала Лида, и Совков подумал: на такой случай можно и Бога вспомнить.

Пилястров тоже взял его под локоть, но крестить, разумеется, не стал, а, распахнув тяжелую входную дверь, завел Олега Валерьяновича в просторный и прохладный вестибюль. Совков не любил чужие вестибюли — в них его чаще всего поджидали старушки-вахтерши, которые почему-то именно на нем с особым рвением проявляли свою служебную бдительность. Вот и сейчас он почти инстинктивно напрягся, ожидая требовательного окрика, в лучшем случае — подозрительного вопроса, но вместо этого услышал вежливое «здравствуйте», которое произнесли двое молодых мужчин с приятными лицами и широкими плечами.

— Здравствуйте, — с облегчением откликнулся Совков, ощущая локтем спасительное присутствие Пилястрова.

Мужчины почтительно расступились, и Олег Валерьянович, все так же ведомый своим благодетелем, устремился по широкой лестнице на второй этаж.

Совков никогда не был придирчив к деталям, особенно бытовым, но сейчас он поймал себя на том, что присматривается к мелочам. Впрочем, какие уж тут мелочи!

Мелочью была вазочка с неизменным букетиком засушенных цветов на столе Светочки — ее стол упирался в стол Олега Валерьяновича, зажатый еще двумя столами других сотрудников их отдела. Мелочью был старый, засаленный, на крутящейся ножке стул Андрея Викторовича — заводелом сидел на нем уже лет двадцать пять, свято оберегая предмет своего удобства от периодической смены мебели. Мелочью был узкий, удивительно быстро продавившийся диван, — он явно всем мешал в тесной отдельской комнате, но его все любили, потому что он «придавал уют». Мелочью было все то, чем занимался научно-исследовательский институт, в котором работал Совков и внешний антураж которого вполне соответствовал делам.

Но здесь, в компании «Консиб», в этом свежем творении новой экономики, все выглядело по-другому.

Кремового цвета стены, украшенные настоящими картинами. Матовые, темного цвета двери с золотистыми ручками. Небольшие холлы с глубокими, обитыми коричневым велюром креслами, изящными журнальными столиками и напольными вазами с диковинными живыми растениями. Искусно драпированные прозрачно-золотистые шторы, словно пена, окутывали окна, а пол был устлан толстым паласом. Этот палас поглощал звуки шагов, отчего казалось, что люди по нему не идут, а как бы плывут. Особенно это относилось к женщинам — красивым, элегантным, на высоких каблуках. Совков сразу понял, что в солидной организации все на уровне: и дела, и обстановка, и облик дам.

Эта дама была особенной — с фигурой, похожей на лиану, с густыми волосами, отливающими медью, с большими глазами, напоминающими два каштана, и голосом, созвучным виолончели. Она выплыла из глубины коридора и остановилась рядом с Совковым и Пилястровым, обдав их едва уловимым ароматом терпких духов. Ее вишневые губы — в тон облегающему вишневому платью — дрогнули и превратились в улыбку.

— О! — обрадовалась она. — А я как раз вас, Сергей Борисович, ищу.

Улыбка досталась не только Пилястрову, но и Совкову, и Олег Валерьянович тоже улыбнулся — какая женщина!

— Что, пора? — спросил Пилястров.

— Чуть позже. Я дам вам знать, — последовал ответ, и Сергей Борисович, взглянув на Совкова, развел руками:

— К сожалению, придется подождать.

— Конечно-конечно, — с готовностью покивал Олег Валерьянович.

Что в данном случае значило это «подождать»? Да ровным счетом ничего — всего лишь несущественный временной интервал.

В этот момент открылась соседняя дверь, и в ее проеме показался худой мужчина с толстой папкой. Похоже, он тоже обрадовался при виде Пилястрова, потому как с ходу заявил, что Сергея Борисовича ему сам Бог послал.

— Ты мне нужен вот так! — Мужчина провел папкой по горлу. — Буквально на несколько минут.

Он кивнул Совкову и даже чуть поклонился, словно извиняясь.

— Конечно-конечно, — все с той же готовностью отозвался Олег Валерьянович. Я подожду. Мне ведь все равно ждать.

— Тогда прошу сюда.

Пилястров вновь подхватил его под локоть, увлек в холл и бережно усадил в глубокое кресло, отделенное от коридора декоративным деревцем с густыми перистыми листьями. И Совков тут же почувствовал, что все напряжение последних дней вдруг исчезло, растворилось в зеленых листьях неведомого дерева, впиталось в бархатистую обивку мягкого кресла.

Он сидел и блаженствовал, блаженствовал и мечтал, как будет беседовать с Георгием Александровичем Кохановским, как покажет ему свои чертежи, как расскажет о деле всей своей жизни — маленьких устройствах, мини-роботах, которые дешевы в производстве и ценны в использовании, ведь они способны делать массу мелких, но важных вещей. У него самого дома таких было несколько. Один мыл тарелки, другой вытирал пыль, третий искал завалившиеся неведомо куда металлические предметы, четвертый... Фантазия на сей счет у Олега Валерьяновича была богатой, а дел, которые приходилось делать постоянно, но самому выполнять не хотелось, имелось предостаточно. И умные машинки служили ему преданно и надежно. Он всю жизнь работал над этими машинками, у него была создана своя универсальная система, но никто и никогда так и не проявил к этому серьезного интереса. И вот теперь он получил шанс.

«Это крайне интересно и перспективно для нашей компании. Я глубоко убежден, что Георгий Александрович примет решение о производстве многих ваших разработок. Он встретится с вами лично. Он обычно ни с кем не встречается лично, но вы станете исключением, — так сказал ему по телефону Сергей Борисович Пилястров и добавил: — Я очень рад, что Дмитрий Васильевич сообщил мне о вас».

Дмитрий Васильевич... Дима Коровин... Кто бы мог подумать, что именно ему Совков будет обязан своим счастьем!

Дима Коровин появился на кафедре, когда Олег Совков отработал там уже семь лет в скромной должности лаборанта. Что это за должность такая, Олег никак не мог понять, но ассоциацию это вызывало у него вполне определенную. Когда он учился в десятом классе, в кабинет физики пришла лаборанткой Оля, только что окончившая их же школу, но не поступившая в институт. Кабинет физики был ее временным пристанищем, где она практически ничего не делала.

Совков тоже стал лаборантом, но вовсе не потому, что провалился в вуз, и не для того, чтобы ничего не делать.

В институт он поступил с первого захода и вполне мог окончить его с красным дипломом, то есть на одни пятерки, но его подвел предмет под названием «История КПСС». Он никогда не считал эту неизменную нагрузку к любому высшему образованию особо сложной наукой, но, как выяснилось на экзамене, сильно недооценил ее простоту. После того как Олег вполне внятно изложил суть борьбы с троцкизмом и достаточно подробно обрисовал роль партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, преподавательница, видевшая живого Ленина, а затем сосланная Сталиным в Сибирь, задала ему дополнительный вопрос:

— Почему учение Маркса всесильно?

Конечно, Олег помнил почти крылатое выражение Ленина на сей счет, но ему казалось, что любой вопрос, относящийся к науке, к коей, безусловно, причислялась и история КПСС, требует анализа и логики.

Преподавательница слушала его разъяснения минуты три, а потом произнесла досадливо:

— Бросьте нести отсебятину! Ленина надо было внимательно читать. Владимира Ильича! Он сказал четко: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно». Вер-но! Вот вам объяснение — простое, ясное и строго научное!

После чего глянула в испещренную отличными оценками зачетку, покачала головой и вывела «хорошо».

В душе Совков признал: объяснение это действительно простое и ясное. Однако он не понял, где здесь строгая научность. Впрочем, вступать в дебаты не стал, как не стал впоследствии пересдавать и сам предмет, лишив себя красного диплома. Тогда он не мог предположить, что настанет время — и придется пожалеть о собственной недалекости.

Электротехнический институт, где учился Олег, был вузом молодым, возглавлял его молодой неумный ректор, в результате чего все здесь развивалось бурно. Когда Совков перешел на четвертый курс, в институте открыли кафедру с длинным, малопонятным названием, но очень притягательным смыслом — здесь собирались заниматься разработкой новых механических устройств. Возглавил кафедру профессор Косолапов, который тут же организовал студенческий научный кружок. Олег записался туда первым.

Ему повезло, потому что из всего курса Косолапов выбрал именно его, оставив после окончания института на кафедре в должности лаборанта и пообещав через год, максимум через два, сделать аспирантом. Однако прошел год, и еще два, и еще... и все время что-то случалось. Все время происходило нечто такое, отчего именно перед Олегом Совковым закрывалась дверь в долгожданную аспирантуру. И каждый раз Косолапов говорил:

— Вы, Олег, конечно же, достойны. У вас уже есть серьезные наработки, я вами весьма доволен, но... — Тут завкафедрой выпускал тяжкий вздох. — Обстоятельства, знаете ли... Ну подождите еще годик, максимум два.

А потом появился Дима Коровин, выпускник их же кафедры, — высокий, стройный, с ясными глазами и такой чудесной улыбкой, что мужчины тут же добрели, а женщины таяли. Его тоже заметил Косолапов и тоже в студенческом кружке, где тот был активистом и душой компании. В считанные месяцы Дима превратился в любимца кафедры, человека, без которого не обходилось ни одно мало-мальски значимое мероприятие, будь то проведение научной конференции или празднование Нового года. Впоследствии Совков не раз встречал подобных людей, искренне дивясь тому, что среди них попадались как весьма славные, так и совершенно скверные персонажи, чью пакостливость окружающие замечали с большим опозданием или не замечали вовсе. Впрочем, про Диму Коровина Олег ничего плохого сказать не мог — и даже тогда, когда, по сути, из-за него ушел с кафедры.

А произошло то, что происходило каждый год. Косолапов вызвал его к себе и, по обыкновению тяжко вздыхая, сказал:

— Мне очень неловко, Олег, но вам придется еще годик подождать с аспирантурой. Конечно, у вас есть наработки, я это ценю. Но вы же умный человек, вы понимаете: сегодня к молодым советским ученым предъявляется такое немаловажное требование, как общественная активность...

— Но ведь я участвую во всех общественных делах... которые мне поручают, — впервые, наверное, в жизни позволил себе Олег перебить завкафедрой.

— Вот именно, которые поручают, — с некоторой укоризной произнес Косолапов. — Но сами вы инициативы не проявляете, в отличие, положим, от Дмитрия Коровина. А ученый совет требует, я бы даже сказал, настаивает! А кроме того, и это в данный момент самое главное, Коровин окончил институт с красным дипломом, а вы — нет. Конечно,

вы проработали на кафедре семь лет, а он — только год, но диплом с отличием в данном случае перевесил.

Совков не стал спорить, не стал напоминать, что за эти годы в аспирантуру вместо него поступали люди с куда менее впечатляющими дипломами и куда менее выраженной общественной активностью, но всегда имеющие перед ним какой-то перевешивающий плюс. Олег понял, что ему, по всей видимости, никогда не понять эти тонкие, с трудом уловимые изгибы научной карьеры, и он просто подал заявление об увольнении.

Реакция сослуживцев была разной. Кто-то посочувствовал, кто-то остался равнодушным, а кто-то, в основном из старшего поколения, выразился в том смысле, что, дескать, нынешние молодые хотят все получить разом. Молодость Димы Коровина в данном случае оставалась как бы за скобками.

Сам Дима тоже отреагировал.

— Понимаешь, старик, — уверял он, — я тут совершенно ни при чем. Клянусь! Я даже словечка Косолапову не говорил — он сам так решил. Ну хочешь, я пойду и скажу ему, что это место твое? Хочешь?

И он уставился на Олега с надеждой, которую Совков не мог разрушить.

— Нет, не стоит. Я все равно уже присмотрел себе другую работу, — соврал Олег.

— А-а... Ну, если ты все равно... Хотя я — пожалуйста, я готов пойти к Косолапову.

И Дима улыбнулся своей примечательной улыбкой.

В последующие двенадцать лет Совков четыре раза менял место работы, пока, наконец, не осел в научно-исследовательском институте при оборонном заводе, занимающемся электроникой. Этот НИИ был не лучше и не хуже тех, где он успел поработать, но к сорока пяти годам Олег Валерьянович понял, что его метания и мечтания пусты и бесполезны. Везде все складывалось по одному сценарию: к его разработкам проявляли интерес, но никогда — серьезного внимания, и всегда находились вполне убедительные доводы, почему в данном случае не нужно делать это, а нужно делать то. Поначалу он пытался доказывать, приводил расчеты, приносил свои кустарно сделанные, но исправно действующие образцы, однако всегда достигал одного результата — этот результат вполне можно было обозначить цифрой «ноль».

Если бы Олега Валерьяновича спросили: «Чего достиг ты, человек творческий, в свои пятьдесят два года?» — он бы честно ответил: «Ничего». Ибо домашние поделки, груды чертежей и, в конечном итоге, рухнувшие надежды никак нельзя было назвать достижениями.

...В тот вечер он возвращался с дачи. Как выглядит человек, который два жарких дня горбатился на участке, потом час ехал в душной переполненной электричке, нагруженный тяжелой сумкой? Довольно непрезентабельно он выглядит — по крайней мере, совсем не так, как хотелось бы в момент неожиданной встречи спустя более двадцати лет.

— Олег! Никак, ты?

Совков обернулся и увидел Диму Коровина — все такого же высокого, стройного, ясноглазого, с прежней чудесной улыбкой. Вот только волосы стали совсем седые. Дима был одет в легкий светло-бежевый костюм, с которым очень хорошо гармонировали кремового цвета рубашка и коричневый галстук с золотистыми прожилками. Совкову вдруг стало неловко. Он словно со стороны увидел свои старые дачные брюки, потрепанные сандалии, выцветшую футболку и белую матерчатую кепку, прикрывавшую слипшиеся от жары волосы.

Это было первое чувство, которое он испытал. А вторым было удивление. За более чем двадцать лет с кем только он не пересекался, а вот с Димой — никогда. Он слышал, что Коровин успешно защитил кандидатскую диссертацию, потом докторскую, затем, после смерти Косолапова, стал заведовать кафедрой, однако после того памятного разговора с Димой больше не виделся ни разу. Нет, никакой обиды Совков не держал — ни тогда, ни после. Разве Дима был виноват, что судьба распорядилась так, а не иначе, что одному, вполне достойному, повезло, а другому, тоже достойному, — нет?

Дима всегда умел всех организовать, и в данном случае Олег Валерьянович даже не заметил, как оказался за столиком летнего кафе с кружкой пива. Первые несколько минут он еще смущался своего дачного вида, своей большой потрепанной сумки, но вскоре забыл обо всем, увлекшись разговором. Это был разговор о работе, о семье, о жизни... Обычная беседа людей, которые знали друг друга в молодости и теперь вот снова свиделись в зрелости.

Олег Валерьянович и в мыслях не держал рассказывать Диме о своих творческих неудачах, но так уж получилось. Дима ведь не только умел всех организовать — он умел и разговаривать.

— Н-да, старик, печально... — Коровин по-прежнему называл Совкова стариком, что звучало уже не столь забавно, как двадцать с лишним лет назад. — Я вот сейчас смотрю на молодых ребят, которые у меня на кафедре, — мало таких, каким был ты. Я бы, конечно, с удовольствием посмотрел твои наработки, но, понимаешь, за последние годы научное направление у нас поменялось... Опять же по части внедрения... Вечная морока с этими производственниками. Так что я тебе здесь не ахти какой помощник.

— Да нет, я ведь совсем не к тому рассказал, — принялся оправдываться Совков.

Но приунывший было Коровин вдруг просиял:

— Стоп, старик, я знаю, кто тебе нужен! Ты, конечно же, слышал о компании «Консиб»?

Совков, конечно же, слышал. А кто о ней не слышал в городе? Об этой компании писали в газетах, о ней рассказывали по радио и телевидению. Ее реклама висела во всех людных местах. Детище перестройки, вариант нового экономического мышления, образец грамотного ведения дел.

Конечно, были и другие высказывания: толстосумы, новоявленные капиталисты, опухоль на теле трудового народа... Но, если отбросить крайние суждения, почти весь город знал, что это процветающая фирма с огромными возможностями и впечатляющими перспективами.

— Самый главный человек там, — продолжил Дима, — некий Кохановский. Не человек, а фантом. Совершеннейшая тайна за семью печатями. Но, говорят, гений бизнеса. Этот гений близко к себе никого не подпускает, но его ближайший сподвижник, Сережа Пилястров, мой бывший студент. Толковый парень и очень деловой. Я ничуть не удивился, что он в предпринимательство ринулся. Он тоже стал, конечно, довольно важным, но я могу с ним по поводу тебя потолковать. Мне он не откажет. Тем более что этот «Консиб» занимается производством, но у всех наших ведомств в паутине не путается. Совков принялся было отнекиваться, дескать, не стоит Диме утруждаться, но тот все возражения отверг, добавив:

— Знаешь, старик, все-таки тогда в аспирантуру могли взять не меня, а тебя. А меня могли мариновать еще лет десять. И я, как и ты, тоже мог на все плюнуть. А теперь я доктор наук, профессор и заведующий кафедрой. И у меня все в порядке.

Через неделю в квартире Олега Валерьяновича раздался телефонный звонок и негромкий приятный баритон сказал:

— Беспокоит (вот именно так — беспокоит!) Сергей Борисович Пилястров...

Беседа длилась минут двадцать, в течение которых Совков несколько путано, но вдохновенно изложил суть своих наработок и услышал, что это очень интересно компании «Консиб». Пилястров обещал перезвонить через день и действительно перезвонил, сообщив Совкову удивительную вещь: его, Олега Валерьяновича, примет сам президент компании Георгий Александрович Кохановский.

— Прошу прощения, что заставил вас здесь ждать. — Лицо у Сергея Борисовича было слегка смущенным, а улыбка точь-в-точь как у Димы Коровина — такая же очаровательная и притягательная.

Совков смутился сам:

— Ничего-ничего... Я вполне хорошо сижу, здесь очень удобно, вам вовсе не стоит беспокоиться...

— Ну как же, как же!.. — Пилястров покачал головой, словно досадуя на самого себя, и тут же вновь подхватил Олега Валерьяновича под локоть, увлекая за собой.

Они дошли до конца коридора и остановились около массивной двери. Похожая дверь была у директора НИИ, где работал Совков, но эта оказалась ему более внушительной. Олег Валерьянович испытал даже некий трепет, словно перед входом в святилище. В общем, так оно примерно и было, потому как за этой дверью располагалась приемная самого президента

компании «Консиб». Совков это понял сразу — слишком солидной и представительной была эта комната, главным украшением которой служила все же не обстановка, а та самая, уже виденная им медноволосая дама в вишневом платье. Она вскинула свои глаза-каштаны на Совкова, потом перевела взгляд на Пилястрова и едва заметно повела плечами.

— Придется еще подождать? — спросил Сергей Борисович, и дама кивнула. — Увы, Олег Валерьянович, уж вы извините... Георгий Александрович буквально разрывается на части. Нам всем крайне неудобно, но мы полагаемся на ваше понимание. Георгий Александрович с вами непременно встретится.

— Что вы, что вы! — почти взмолился Совков. — Я, конечно же, подожду.

— Ну вот и замечательно, — разулыбался Сергей Борисович. — А Вероника угостит вас чаем. Или вы предпочитаете кофе?

— Да право же, не стоит беспокоиться... — забормотал было Совков, но, поймав на себе почти ласковый взгляд Вероники, добавил тихо: — Если можно, кофе.

— И мне тоже, — кивнул Пилястров.

Вероника исчезла за неприметной дверью, а Сергей Борисович уселся рядом с Совковым на мягкий кожаный диван и заговорил:

— Знаете, жизнь у нас просто сумасшедшая! Сами понимаете, мы, по сути, первопроходцы, по крайней мере, в нашем городе. Ведь с чего мы начинали совсем недавно? С небольшого кооператива. А теперь мы — крупнейшая в Сибири компания. Мы первыми стали поставлять персональные компьютеры и факсы. Сейчас кажется, что это какая-то безумно дорогая техника, но поверьте, лет через пять-семь ею будут пользоваться как теперь стиральными машинами.

Совков посмотрел на Пилястрова с сомнением, но тот лишь усмехнулся:

— Уверяю вас, так и будет! И будет многое другое. Вот мы организуем поставки леса из Восточной Сибири в Азию. Но какого леса? Думаете, нарубили, в бревна сложили — и все? Ничего подобного! Такой лес стоит копейки. А мы организовали его обработку, и это уже совсем другая цена. Продукция уходит за границу, оттуда к нам приходят компьютеры и факсы. И это только один пример нашего бизнеса. Я вам могу привести и другие. Мы налаживаем производство тетрапаков. Вы знаете, что это такое?

Совков покачал головой.

— Это упаковка из специального картона для пищевых продуктов. В мире сейчас не разливают молоко, кефир, соки и прочее в стеклянные бутылки — преимущественно в тетрапаки. Они легкие, не бьются, продукты в них хранятся дольше. По сути это пусть маленькая, но настоящая революция в отечественной пищевой промышленности. Ну да, были у нас картонные треугольники для молока, но современные тетрапаки — совсем иное дело. У нашей компании есть и другие виды производства и торговли, и все они завязаны между собой. Мощный

производственно-коммерческий комплекс. И ваши разработки нас интересуют именно потому, что мы можем себе позволить творческий поиск. Мы не обязаны сто раз все согласовывать с разными ведомствами — мы работаем на свой страх и риск. И на свою выгоду. Впрочем, не только на свою. Вы слышали о конкурсе молодых ученых, который проводился весной?

Да, Совков слышал. Об этом писали газеты, в том числе центральные. Об этом рассказывали по радио и телевидению.

— Так вот, организаторами и спонсорами были мы.

Об этом Совков тоже знал — опять же из газет, радио и телевидения.

— И фестиваль артистов балета, и акция «Сделаем город чище» — все это тоже наша организация и наша финансовая поддержка. И вы думаете, местные власти нас за это носят на руках?

Олег Валерьянович не знал, что ответить, но Сергей Борисович и не настаивал. Он ответил сам:

— Ничего подобного! Они смотрят на нас, словно на ядовитых пауков в лабораторном сосуде. Вроде, с одной стороны, пауков этих нужно исследовать, а с другой — хочется придавить. И ведь кто больше всех активность проявляет? Партийные органы! Нет бы интересоваться результатами наших дел — так они всё докапываются, не противоречат ли наши дела социалистическим принципам! Буквально три дня назад к нам пожаловал секретарь обкома КПСС. За какой надобностью, мы так и не поняли, но он страшно возмущался, почему с ним не встретился лично Георгий Александрович. Я ему объяснял: со всеми встречаться и вести переговоры — это моя обязанность. Но вы же понимаете, что такое секретарь обкома партии! Он просто убежден, что его должен всегда встречать первый руководитель, да еще и ковровую дорожку ему расстилать.

— У вас могут быть неприятности? — вдруг испугался Совков.

Но Пилястров снисходительно улыбнулся:

— Ерунда! Не те времена. И этот секретарь — совсем не тот человек, на которого должен тратить время Георгий Александрович.

Совков вдруг почувствовал, как у него защемило в груди. Секретарь обкома партии — не тот человек. А он, Олег Валерьянович, — тот! Никогда его не возносили столь высоко. Никогда по-настоящему важные люди не обращали на него свой взор, а уж тем более — не выделяли его, не оказывали особых знаков внимания...

За исключением, впрочем, одного случая, произошедшего в восемьдесят третьем году.

Совкову редко везло, но тогда все случилось именно так. Нежданно-негаданно ему прямо в руки свалилась «горящая» путевка. И не куда-нибудь, а в санаторий в Гаграх. И не когда-нибудь, а в сентябре, то есть в бархатный сезон. Обычно в сентябре его вместе со многими другими сотрудниками НИИ посылали в подшефный совхоз убирать картошку, а тут

отправили на юг. Воистину, с первыми каплями осеннего дождя ему на голову упала манна небесная!

Три дня Олег Валерьянович наслаждался морем, солнцем, санаторным комфортом и прогулками в знаменитом гагринском парке*. А на четвертый день произошла та самая история.

Он выходил из парка, когда увидел изящную девушку с огромным догом на поводке. Девушка шла не спеша, явно прогуливаясь, и лицо у нее было безмятежным. Собака плелась рядом, высунув от жары язык, и морда у нее была добродушной. Того мальчугана лет пяти-шести Совков поначалу даже не заметил, лишь услышал рядом какой-то крик, похожий на воронье «кар-р-р», после чего увидел, как мимо что-то пролетело и угодило прямоком в собачью морду. То ли это был камушек, то ли комок земли, то ли шишка кипариса — не суть важно. А важным — и страшным! — оказалось то, что секунду назад равнодушно-ленивый дог вдруг оскалился, издал яростный рык, и не успела хозяйка среагировать, как пес бросился вперед вместе с выскочившим из руки девушки поводком. Олег Валерьянович всегда считал себя человеком несколько флегматичным и позже удивлялся, откуда вдруг у него взялась эта быстрота мыслей и движений. Но она действительно откуда-то взялась. Он понял, что сейчас пес вцепится в своего маленького обидчика, и ринулся наперерез, закрывая собой мальчика. А в следующее мгновение он услышал крики, почувствовал удар крепкого собачьего тела и ощутил в районе запястья режущую остроту клыков.

У хозяйки дога реакция тоже оказалась отменной. Не успел пес клацнуть зубами второй раз, как был схвачен за ошейник, после чего тут же попятился назад, выражая свое недовольство злобным рычанием.

И тут же вокруг Совкова и мальчика образовалась толпа — не очень большая, но очень шумная, в которой выделялись двое. Молодая красивая женщина с безумием в глазах подскочила к малышу, схватила его на руки и принялась неистово целовать, а молодой мужчина с мощными плечами цепко сжал руку Олега Валерьяновича и при этом гортанно крикнул: — Всё в порядке! Разойдитесь! Разойдитесь все! — Потом повернулся к девушке с собакой и сказал тихим и от этого особо пугающим голосом: — Уходи. Уходи немедленно!

Толпа испарилась мгновенно, словно морские капли под жарким солнцем, лишь Совков остался стоять на месте, удерживаемый железными пальцами незнакомого мужчины.

— Вы спасли моего сына! — произнесла женщина горячо, после чего перевела взгляд своих черных глаз на мужчину, и Совков увидел, как смуглые щеки знакомого побелели.

Потом они заговорили, вернее, говорила в основном женщина, причем довольно гневно, мужчина лишь вставлял отдельные слова, но Совков ничего не понял — они говорили на непонятном ему языке. Наконец

* Приморский парк, или парк принца Ольденбургского, — одна из главных достопримечательностей в Гагре.

женщина поставила точку, гордо вскинув голову, а мужчина сказал, обращаясь к Совкову:

— Уважаемый, вы спасли сына очень солидного человека. Его жена Тамара (женщина кивнула) просит вас быть сегодня гостем в их доме.

— Да, в общем-то, я ведь что... ведь ребенок... Вам совсем не стоит беспокоиться... — смутился Совков и тут увидел, что по его левому запястью течет кровь, а под ногами валяются сорванные зубами пса часы с раздробленным циферблатом.

Женщина это тоже увидела, вынула из сумочки тонкий платок и быстро перевязала Совкову запястье. Мужчина же поднял часы, повертел их туда-сюда и покачал головой. Потом подхватил на руки ребенка и повторил уже сказанное:

— Вас просят быть гостем, — после чего подвел Олега Валерьяновича к белой «Волге» и услужливо распахнул дверь.

Так Совков попал в этот дом. Точнее, его можно было бы назвать небольшим замком или виллой — подобное Олег Валерьянович видел в кино про шикарную заграничную жизнь и никогда не предполагал увидеть в собственном отечестве. Хозяин дома был близкого с Совковым возраста, но рядом с ним Олег Валерьянович почувствовал себя мальчишкой, которого вдруг одарил вниманием взрослый солидный человек.

Этот человек действительно был солидным по всем статьям — высокий, полный, степенный, в белоснежном костюме, с массивным золотым кольцом, окруженный людьми, которых скорее можно было принять за прислугу, нежели за гостей дома. Он вышел на террасу, где Совков сидел, любясь изумительным морским видом, подошел к Олегу Валерьяновичу и крепко обнял его за плечи.

— Аким, — представился он. — Мальчик — мой сын, а я — ваш должник.

— Олег, — представился в свою очередь Совков. — Но вы никакой мне не должник. Я уже говорил вашей жене и... — он запнулся, не зная, как назвать спутника женщины, — тому мужчине, который нас привез...

— Он болван! — отрезал Аким — Я ему плачу большие деньги, чтобы моя жена и мой сын не имели проблем, но он плохо отрабатывает свой хлеб.

— Нет-нет! — запротестовал Совков. — Он совершенно ни при чем. Там все получилось совершенно неожиданно...

Олег Валерьянович не договорил, потому что Аким его перебил:

— Вам, дорогой, не стоит беспокоиться. Вам теперь ни о чем не стоит беспокоиться. По крайней мере, в Гаграх. И во всей Абхазии. Вы теперь друг Акима. А Аким в Абхазии может все!

В чем Совков убедился первым делом — это в возможностях Акима накормить такими яствами и напоить таким вином, о каких Олег Валерьянович даже не слышал. Они сидели вдвоем за роскошным столом и неспешно беседовали. Время от времени Совков видел в саду, который правильнее было бы назвать парком, каких-то людей, но они к террасе не приближались. Лишь несколько раз к их столу подходила немолодая молчаливая

женщина, и лишь для того, чтобы убрать использованные тарелки и принести очередное блюдо. Правда, один раз на террасе появился незнакомый парень, сказал хозяину несколько слов на своем языке, после чего Аким сдвинул брови, прервал с извинениями беседу и скрылся в доме.

В одиночестве Олег Валерьянович пробыл недолго. Аким вернулся с улыбкой, но что-то в этой улыбке Совкова насторожило.

Прощались радушно и, как уверил Аким, ненадолго.

— Мы покажем вам настоящую Абхазию! Вы увидите то, что показывают только самым дорогим гостям. А чтобы вы запомнили время, проведенное в нашей маленькой, но прекрасной республике, прошу принять от меня подарок. — И он протянул Совкову красивые часы, на которых маленькими буквами было написано название фирмы на английском языке.

— Это совсем ни к чему! — запротестовал Олег Валерьянович — и в тот же момент понял, что Аким совсем не тот человек, с которым можно спорить.

— Никаких возражений, — произнес Аким спокойно, но твердо. — Никаких. — И добавил уже мягче: — Тем более ваши часы, считайте, съела собака.

Белая «Волга» подвезла Совкова напрямиком к дверям санаторного корпуса, и не успел он переступить порог, как тут же был перехвачен дежурной. Эта крупногабаритная женщина с громким голосом ретивого сержанта и вечным недовольством на лице с первой минуты вызывала неприятие у всех отдыхающих, и Олег Валерьянович не был исключением. Но тут она его поразила.

— Вы ведь Совков? — поинтересовалась она с почтением.

Олег Валерьянович кивнул.

— Вот и чудненько, голубчик! А я вас жду. Вас велено переселить в другую комнату.

— Кто велел? Зачем? — едва ли не испугался Совков.

Но дежурная вдруг многозначительно повела глазами:

— Да уж кому надо, тот знает зачем.

Кто позаботился о его переселении, Олег Валерьянович догадался сразу, едва оказавшись в своем новом жилище. Это была не стандартная комната на двоих, а двухкомнатный номер на одного с красивой мебелью, холодильником и телевизором. Укладываясь вечером в большую двуспальную кровать, Совков блаженно думал о причудливости судьбы. Мог ли он ожидать, что его сегодняшняя прогулка в парке закончится именно так? А еще он думал об Акиме. Кто этот, судя по всему, могущественный и богатый человек? Могущественных людей он видел — тех, у кого везде были знакомства и, соответственно, имелись большие возможности. Но людей откровенно богатых он не встречал никогда, хотя о них слышал. Из долгой беседы с Акимом он так и не понял, чем занимается хозяин роскошного дома, красивого сада и белой «Волги», что позволяет ему иметь обильный стол и по меньшей мере нескольких людей в услужении. Впрочем, было

ли у Совкова право вдаваться в подробности? Он был деликатным человеком и никогда не отваживался ломиться в чужие двери.

Однако ночью он проснулся оттого, что кто-то ломился в его собственную. Вернее, так ему показалось со сна, поскольку, открыв глаза, он понял: это всего лишь тихий стук.

Он открыл дверь и увидел того самого мужчину, который привез его в санаторий. У мужчины было мрачное, напряженное лицо и тревожные глаза. Совков удивился и слегка испугался. Пока еще — слегка. А через несколько минут испугался уже всерьез, потому что мужчина, пройдя в комнату и плотно закрыв дверь, сказал:

— Вам надо уезжать отсюда. Прямо сейчас. Вот ваш билет на самолет. Внизу ждет машина. Я увезу вас в аэропорт, утром улетите домой через Москву.

— Как уезжать? Зачем? У меня же путевка, у меня еще двадцать дней, — опешил Совков.

— В санатории не будет документов, что вы здесь жили. Мы уже все сделали, — успокоил мужчину.

Но Олег Валерьянович не успокоился. Напротив, совсем разнервничался.

— Что вы сделали? И почему все это? У меня отпуск! У меня путевка! Я ничего не понимаю!..

— Вам надо уезжать, — повторил мужчина непреклонно, после чего покачал головой и добавил: — У Акима Георгиевича неприятности. Вы были гостем Акима Георгиевича. Люди видели, как вас сюда привезли на его машине. Люди могли видеть, как вас увозили к нему. Люди могут на вас показать. У вас тоже могут быть большие неприятности. Аким Георгиевич этого не хочет. Он хочет, чтобы вы жили спокойно.

— Какие неприятности? Вы о чем? — совсем растерялся Совков, но мужчина вновь покачал головой и сказал:

— Я жду вас в машине.

Утром Совков улетел домой. Его прекрасный отдых продлился четверо суток, из которых полночи он провел почти в царских условиях.

А через три месяца он прочитал в газете «Известия» большую статью, в которой рассказывалось о том, как по решению Генерального секретаря ЦК КПСС Юрия Владимировича Андропова наши правоохранительные органы ведут борьбу с незаконной экономической деятельностью. В статье приводилось несколько примеров и в том числе упоминалось, что в Абхазии раскрыта большая группа подпольных цеховиков, руководил которыми заместитель председателя Гагринского горисполкома Аким Георгиевич Габуния.

Кофе, приготовленный Вероникой, был отменным. Олег Валерьянович давно такой не пил, а может, ему это только так казалось —

в соответствии с внутренним настроением. Ему все здесь казалось удивительным, необыкновенным, почти сказочным. Он посмотрел на часы — красивый подарок того самого Акима, о котором он больше никогда не слышал. Пилястров тоже посмотрел на часы, потом перевел взгляд на Веронику, та в свою очередь, глянула на телефон и едва заметно повела плечами.

— Уж вы извините, — сказал Сергей Борисович, обращаясь к Совкову. — Я вас ненадолго покину. Вы не против?

— Что вы, что вы! — с готовностью откликнулся Совков. — Я подожду.

Он ждал уже три часа, но это ничего не значило по сравнению с ожиданием длиною почти во всю жизнь.

— Может, желаете журнал почитать? — предложила Вероника. — Или еще чашечку кофе?

Она вышла из-за стола и подошла к Совкову. Он почти инстинктивно вскочил с кресла, потерял на мгновение равновесие, качнулся вперед, и его руки скользнули по плечам Вероники.

— Извините, — пробормотал он, почувствовав, как его щекам стало горячо.

— Ничего страшного, — произнесла Вероника с улыбкой и посмотрела ему прямо в глаза. Ее улыбка была ласковой и успокаивающей, а взгляд теплым и обволакивающим. Такую улыбку и такой взгляд ему однажды подарила...

Он никогда и никому об этом не рассказывал. Он смущался от одних только воспоминаний. Хотя, по большому счету, это было смущение не от греха, а от нелепости грешных помыслов.

Совкову было тридцать два, а Лиде — двадцать восемь, когда они поженились. Они жили на одной лестничной площадке, и свела их не романтическая влюбленность, не пылкая страсть, а тихая добрая привязанность. За двадцать лет Олег Валерьянович ни разу не пожалел о своем выборе, и Лида, как ему казалось, тоже. И еще за все эти двадцать лет Совков ни разу не изменил жене, хотя, если уж совсем по совести, однажды на это решился.

Ее звали Анной. Она работала секретарем директора и всегда была окружена людьми — теми, кто интересовался директором, и теми, кто интересовался ею самой. Почему вдруг она заинтересовалась Совковым, тот так никогда и не понял. Он решил, что просто линии судьбы пересеклись, не согласуясь ни с какой логикой. Ну какая могла быть логика в этом переплетении — красивая тридцатилетняя женщина и сорокадвухлетний лысеющий, полнеющий мужчина? Совкову казалось, что никакой. Однако случилось.

Начало было банальным. На вечере в честь Нового года Олег Валерьянович пригласил Анну на танец. Совершенно неожиданно

пригласил — просто в тот момент, когда заиграла музыка, он оказался к Анне ближе всех. А потом он пригласил ее второй раз, третий, четвертый, и она не отказывалась. Он стал вдруг очень разговорчивым, веселым, он видел вокруг удивленные взгляды (причем женщины смотрели с любопытством, а мужчины — с завистью) и чувствовал какую-то поразительную легкость в душе. Ему казалось это новогодней сказкой, рождественской фантазией, он понимал всю нереальность происходящего, но не ощущал грусти, какая возникает от осознания, что вот еще мгновение — и зыбкий туман рассеется. Он всегда жил завтрашним днем, следующим мгновением, и вот теперь настал тот миг, когда он наслаждался сиюминутным.

А потом Анна посмотрела ему прямо в глаза, улыбнулась и сказала: — Поедем со мной.

Ее улыбка была ласковой и успокаивающей, а взгляд — теплым и обволакивающим.

— Ты здесь живешь? — спросил Совков, когда они подъехали к панельной девятиэтажке в районе новостроек, но Анна покачала головой:

— Нет, здесь живет моя подруга. Но ты не волнуйся, никого дома нет.

Однако Совков волновался. Он не мог не волноваться, ибо все происходящее было из другой, не из его, жизни, в которую он погружался с шемпящей тоской и необыкновенной радостью.

Квартира была большой, но они кинулись друг к другу прямо в прихожей. А когда они переместились в большую комнату, Совков уже стоял в одних трусах, прижимая к себе обнаженную Анну. Его тело горело, его сердце рассыпалось на мелкие осколки, его голова отказывалась думать хоть о чем-то, кроме происходящего.

— Пойдем в спальню, — жарко шепнула Анна, увлекая его за собой по коридору вглубь квартиры.

А дальше был обморок. Или что-то похожее на обморок. Он не видел спальни, не видел кровати, только чувствовал, как, притягиваемый телом Анны, медленно падает ничком в темноту... И вдруг он услышал дикий визг. В следующую минуту в углу вспыхнул свет, обнаженная женщина — совсем не Анна — вскочила с постели, следом за ней, мотая головой, приподнялся на локте обнаженный мужчина, и оба они изумленно уставились на полулежащую Анну и обнимающего ее Совкова.

Олегу Валерьяновичу показалось, что он сейчас умрет.

Но он не умер.

Через два часа он уже лежал в своей постели, в собственном доме, и мучительно старался заснуть. Но вместо сна в голову лезли тяжелые мысли.

Единственный раз в жизни он отважился на грех, а получился смех. Подруга Анны, которая в последний момент передумала уезжать из дома, а, напротив, привела к себе своего приятеля, искренне смеялась над нелепой ситуацией и, более того, всячески уговаривала Совкова посмеяться тоже. Но он никак не мог. Егохватило лишь на то, чтобы поспешно

одеться, дождаться на лестничной площадке Анну, поймать такси, в полном молчании довезти ее до дома и отправиться восвояси самому.

Через два дня он подал заявление об увольнении по собственному желанию.

Совков не любил вспоминать эту историю, но иногда она вспоминалась как-то сама собой, всегда с неприятным жжением в душе. Однако сейчас все было иначе. Он смотрел на Веронику и с удивительным облегчением думал, что, наверное, тогда, девять лет назад, все вышло к лучшему: по крайней мере, это избавило его от ненужных соблазнов, разочарований, а возможно, и крушений.

— Задумались?

Олег Валерьянович даже не заметил, как в приемной вновь появился Пилястров.

— Да так... — неопределенно протянул Совков и совершенно машинально взглянул на часы.

Сергей Борисович истолковал его взгляд по-своему.

— Я вас прошу, не тревожьтесь. Встреча состоится непременно, уверяю вас! Просто некоторые неподвиженные обстоятельства...

Его прервал телефонный звонок.

— Компания «Консиб», — пропела Вероника, затем зажала трубку рукой и быстро проговорила, обращаясь к Пилястрову: — Это они. Сейчас будут.

— Хорошо, — сказал Сергей Борисович и, обернувшись к Совкову, пояснил: — У нас тут предстоит еще одно дело, поэтому я попрошу Георгия Александровича, чтобы он вас принял безотлагательно.

И скрылся за дверью, на которой так же, как и на двери приемной, не было никакой таблички.

Совков вновь приготовился ждать, и вновь без какого-то сожаления, но Пилястров появился буквально через пару минут.

— Прощу! — воскликнул он с некоторой торжественностью и распахнул дверь, пропуская Олега Валерьяновича в святая святых компании «Консиб».

И тут вдруг Совков растерялся. Зачем-то принялся рыться в портфеле, где еще с вечера все лежало в образцовом порядке, потом начал искать носовой платок, хотя он всегда находился в левом кармане, затем ни с того ни с сего стал судорожно поправлять галстук, который и не думал никуда съезжать... В общем, повел себя суетливо и где-то даже глупо. Пилястров его не торопил — стоял, придерживая ногой дверь, и ободряюще улыбался. От этой улыбки у Совкова разом потеплело на сердце, и внутренний раздрай тут же сменился успокоением и уверенностью.

С этой уверенностью он шагнул в открытую дверь, оказался в узком коридоре, который вел к другой двери, а уже за ней...

Кабинет Кохановского удивил Олега Валерьяновича. Это была большая, похожая на пенал комната, окна которой были плотно занавешены тяжелыми темно-зелеными шторами. Свет сквозь эти шторы проникал с какой-то тусклой обреченностью, едва освещая темные стены, темную мебель и самого хозяина кабинета — крупного мужчину с каменным лицом и таким же каменным взглядом. Впрочем, взгляд этот Совкову был почти недоступен — его скрывали полумрак и расстояние, отделяющее хозяина кабинета от посетителя. Георгий Александрович сидел в торце длинного, почти во всю комнату, стола, вдоль которого выстроился, казалось, бесконечный ряд стульев. Олег Валерьянович поздоровался, Кохановский кивнул. Совков вознамерился было пройти вглубь кабинета, но тут же почувствовал прикосновение руки Пилястрова и услышал его тихий голос:

— Сюда, пожалуйста!

Сергей Борисович предупредительно пододвинул стул, и Совкову ничего не осталось, как сесть у противоположного торца стола. Это было отнюдь не самое удобное место. Олег Валерьянович вдруг вспомнил свое посещение театра на Таганке лет пятнадцать назад, куда билет он смог достать только на галерку и весь спектакль мучился оттого, что половину действия плохо видел и скверно слышал. Однако сейчас он так же, как и тогда, благодарил судьбу, что ему досталась хотя бы галерка.

Совков ждал первого слова — конечно, это слово должно было принадлежать Кохановскому, но произнес его Пилястров:

— Начинайте, Олег Валерьянович. Георгий Александрович вас слушает.

Кохановский едва качнул головой.

Совков никогда не считал себя особо красноречивым, но у каждого бывает свой звездный час. И этот час наступил, ужавшись в десять минут, о которых предупредил Пилястров. Конечно, Совков помнил дословно, что хотел поведать президенту «Консиба», он репетировал свою речь многократно, но действительность превзошла предположения. Он говорил убедительно, логично, вдохновенно, как может говорить человек в минуты высочайшего подъема или тогда, когда ему уже больше нечего терять.

Олег Валерьянович замолчал в ожидании естественных, на его взгляд, вопросов, но их не последовало. Вместо этого Кохановский вновь качнул головой, и на его лице появилось некое подобие улыбки. Каменной, как и само лицо, но все же это была улыбка.

И тут же оживился Пилястров. Он сгреб чертежи и расчеты, приготовленные Совковым, и, устремившись к противоположному концу стола, разложил их перед Кохановским. Георгий Александрович взял бумаги в руки, перебрал их по листочку, после чего вновь сложил в стопку и кивнул.

Совков понял, что это одобрение, но не знал, как ему вести себя дальше. Однако все опять решил Пилястров. Он подхватил Олега Валерьяновича под локоть и, шепнув на ухо:

— Все просто замечательно! — подтолкнул к двери.

— Большое спасибо, до свидания! — воскликнул Олег Валерьянович проникновенно и получил в ответ очередной кивок. Ему показалось, что на сей раз это было похоже на поклон.

За те несколько минут, которые Совков провел в кабинете Кохановского, тихая безлюдная приемная превратилась в шумную и многолюдную. Все это впечатление создавали четыре человека: маленькая взъерошенная женщина лет сорока, очаровательная девушка с ярко-голубыми глазами и двое парней с телекамерой, осветительными приборами и связкой шнуров. Главной, по всей вероятности, была взъерошенная женщина, по крайней мере именно она больше всех суетилась, громким голосом раздавая указания. При появлении Пилястрова она замахала руками и застрекотала:

— Мы везде все отсняли! Между прочим, времени потратили гораздо больше, чем планировали...

— Это мы учтем, — мягко перебил ее Пилястров.

— Да, учтите, но дело не в этом, — перебила в свою очередь женщина, и отнюдь не мягко, а, наоборот, довольно резко. — Нам нужны кадры с Кохановским. Без этого будет полная чушь! В конце концов, все решат, что Кохановский — это символ, это ваша придумка. А мы не какую-то туфту снимаем! Нам в кадре нужен живой Кохановский. Пусть он даже молчит, если он у вас такой неразговорчивый, но нам нужно его лицо!

— Между прочим, — все с той же мягкостью в голосе заметил Пилястров, — вот перед вами человек, который только что общался с Георгием Александровичем. И он вам подтвердит, что Георгий Александрович — это отнюдь не символ и не придумка.

— Вот как? — Женщина наконец соизволила заметить Совкова. — Это интересно...

Она отступила на шаг, прищурилась и, оглядев Олега Валерьяновича с ног до головы, уточнила:

— Это была деловая встреча?

— Это была очень примечательная встреча, — вместо Совкова ответил Пилястров. — Олег Валерьянович Совков — изобретатель, который много лет не мог найти применения своим разработкам. И вот теперь Георгий Александрович принял решение, что наша компания будет внедрять в производство его изобретения.

— Это интересно, — повторила женщина.

— Ну что ж, ловите удачу, — улыбнулся Пилястров и обратился к Совкову: — Вера Николаевна — режиссер, она снимает передачу о нашей компании для Центрального телевидения. Надеюсь, вы не откажетесь сказать несколько слов по итогам вашей встречи с Георгием Александровичем?

Совков смутился — его никогда не снимали для телевидения. Но одновременно и обрадовался. Конечно же, он готов был рассказать все, он готов был излить свое чувство благодарности к молчаливому человеку, который решил его судьбу одним кивком головы.

— Наташа, микрофон! Мальчики, камеру, свет! — скомандовала режиссер, и уже через несколько минут Совков сидел на диване рядом с Наташей, которая, лучезарно улыбаясь камере и одновременно Олегу Валерьяновичу, интересовалась, какое впечатление произвело на того общение с президентом компании «Консиб».

Нельзя сказать, что речь Совкова была столь же гладкой и логичной, как в кабинете Кохановского, но по части эмоций он, безусловно, превзошел самого себя. Сердце Олега Валерьяновича ликовало, слова летали с изяществом снежинок, и весь он словно парил в воздухе, исторгая из глубины души восторг и признательность.

— Отличный кусок! — одобрила режиссер и тут же переключилась на Пилястрова: — Так мы сделаем кадры с Георгием Александровичем?

— Сделаете, — успокоил ее Сергей Борисович и направился к двери кабинета Кохановского.

— Простите, — окликнул его Совков. — А мне что дальше делать?

— Вам? — Пилястров оглянулся, улыбка скользнула по его лицу. — Вам не стоит беспокоиться. В ближайшие дни мы продолжим наше общение.

Уже дома Олег Валерьянович вдруг сообразил, что он так и не понял, кто же первый начнет обещанное общение — то ли ему, Совкову, следует позвонить Пилястрову, то ли, напротив, Пилястров позвонит ему. Через неделю Олег Валерьянович набрался храбрости и позвонил сам, но услышал, что Сергей Борисович в отъезде. Еще через пару дней ему сообщили, что тот на совещании. В последующие дни все повторялось с неуклонной однозначностью — Совков звонил, но голоса Пилястрова не слышал.

Он услышал его девятнадцатого августа.

— Боже мой, Олег Валерьянович! — Голос звучал мрачно и тревожно. — Вы разве не знаете, что в стране ГКЧП? Мы не понимаем, что будет завтра. У нас сейчас совершенно другие заботы.

Совкову стало жгуче стыдно — не обидно, не горестно, а именно стыдно. В стране госпереворот, а он...

Пилястров, похоже, это почувствовал, потому что голос его смягчился:

— Давайте посмотрим, чем дело кончится. Я надеюсь, все будет хорошо. А вы не тревожьтесь. Я позвоню вам. Я сам с вами свяжусь.

Но он не позвонил — ни тогда, когда закончился путч, ни позже, когда по телевидению стали показывать сюжеты про компанию «Консиб» с кадрами, где Олег Валерьянович делился своими впечатлениями от общения с Георгием Александровичем Кохановским и рассказывал, какие надежды подарило ему это общение. По мнению знакомых Совкова, это были самые запоминающиеся моменты.

Встреча с Пилястровым так и не состоялась.

Зато перед самым Новым годом состоялась другая встреча. И она перевернула все.

Совков узнал эту девушку сразу — уж очень у нее были яркие голубые глаза. И девушка узнала его сразу — уж очень по-детски

восторженным показался ей тот немолодой мужчина. Они столкнулись в автобусе, причем в буквальном смысле слова: переполненный автобус тряхнуло и девушка повалилась на грудь Совкова, уткнувшись мохнатой песцовой шапкой ему в лицо. От неожиданности Совков ахнул, а девушка ойкнула, после чего оба одновременно воскликнули:

— Это вы?!

Возможно, если бы им не надо было выходить на одной остановке, все закончилось бы вежливыми приветствиями и дежурными поздравлениями с Новым годом, но они вышли вместе и, более того, двинулись в одном направлении, так что разговор завязался сам собой.

— Вы знаете, наша режиссер, Вера Николаевна, считает, что кадры с вами — просто класс! — сказала Наташа. — И я тоже так думаю. Особенно на фоне этого Кохановского. Уж Пилястров — ну такой симпатичный мужик! — крутился и так, и сяк, все уговаривал, чтобы этот гений бизнеса соизволил полминуты попозировать, раз пять к нему в кабинет бегал. В конце концов тот соизволил все-таки. Но лучше бы мы его совсем не снимали! Мало того, что не сказал нам ни здарсьте, ни до свидания, так еще уселся с каменной физиономией и даже слова не произнес. Можно подумать, мы к нему не с телекамерой пришли, а с фотоаппаратом. Жутко неприятный тип! Я вообще терпеть не могу этих деловых, они только о своей выгоде думают. Да вы и сами это знаете.

— В каком смысле? — не понял Совков.

— Ну как в каком? — удивилась Наташа. — С вами-то этот Кохановский как обошелся?

— А вы знаете? — удивился в свою очередь Олег Валерьянович, с недоумением подумав, откуда эта милая, но совершенно случайная девушка в курсе, чем все закончилось.

И вдруг он почувствовал, как нехорошо стало у него на душе — тоскливо и морозно.

— Да нет, Георгий Александрович, наверное, хотел как лучше, но обстоятельства... — забормотал Совков отчего-то извиняющимся тоном, который ему самому показался совершенно неуместным. — Сначала путч, потом все так быстро стало меняться... Просто я, наверное, невезучий. Тогда мне показалось, что вот повезло в кои-то веки, а все так повернулось...

— Вы это серьезно?! — Наташа остановилась, ее ярко-синие глаза блеснули изумлением. — Вы так ничего и не поняли?!

Совков тоже остановился, причем ему показалось, что его ноги пристыли к обледеневшему тротуару.

— Да этот Кохановский вас элементарно использовал! Как самого последнего... — Наташа запнулась. — ...простака. Конечно, вы это сразу не сообразили. Мне тоже в голову с ходу не пришло. И даже Сергей Борисович, Пилястров то есть, никак не дотумкал. Но вот Вера Николаевна... Она у нас все влет сечет. Когда вас отсняли и вы ушли, а потом мы отсняли этого Кохановского, Вера Николаевна у Пилястрова прямо спросила: «Тот изобретатель — подстава?» Сергей Борисович, конечно, глаза

вытаращил — с какой, дескать, стати? А Вера Николаевна сказала: «Ваш Кохановский ничего для него делать не будет. Ему вообще на людей наплевать, это же сразу видно». Сергей Борисович принялся уверять, мол, все не так да не сяк, но Вера Николаевна ответила, что это, в сущности, не ее дело, у нее свое дело есть, его она и выполняет. А где-то через месяц я в одной компании встретила Веронику — ту, что была в приемной Кохановского. Оказывается, она вовсе даже и не у Кохановского, а у его заместителя секретаршей работает. А у Кохановского была своя секретарша, но она в тот день то ли зуб удаляла, то ли еще какую хворобу лечила, вот Веронику в приемную и посадили. Так вот, когда мы с Вероникой через пару месяцев встретились, она уже в «Консибе» не работала. После путча Кохановский приказал ее элементарно выпереть. И знаете почему? Оказывается, папаша Вероники кагэбистом при больших погонах служит. До путча, видать, это было выгодно, а после — как раз наоборот. Я бы на месте Вероники сильно разозлилась и всем им вмазала, а она вроде как ничего, помалкивала. Может, боялась, а может, заплатили ей хорошо, но только всего и сказала, что про отца да про вас.

— Да про меня-то, наверное, было совсем неинтересно, — вдруг перебил Наташу Совков, поймав себя на мысли, что слова его дурацкие и произнес он их с единственной целью — отодвинуть куда-нибудь в сторону, по возможности развезть во времени сказанное о нем Вероникой. Он уже предугадывал суть и не хотел убеждаться в правильности своих догадок.

Но Наташа его неловкого порыва не поняла, заявив с истинно юношеским азартом:

— Конечно, если бы я сама в той съемке с вами не участвовала, мне было бы по барабану. Но и Вероника с какой стати тогда мне про вас бы рассказывала? А тут компания собралась большая, мы друг на друга посмотрели, Вероника и вспомнила, что мы как раз познакомились, когда вас снимали в приемной. Вы ей, кстати, понравились. Она сказала: «Славный мужик, сразу видно. Жаль, что таким как раз головы и дурят». Вы ведь Кохановского сколько ждали? Несколько часов? Вот-вот, Вероника говорила, Сергей Борисович аж весь извелся. А все, оказывается, почему? Потому что Кохановский ждал, когда мы с камерой приедем. Ему, оказывается, нужно было, чтобы вы весь из себя счастливый после встречи в приемную вывалились, а там мы бы поджидали. Ну и, понятное дело, по горячим следам все ваши радости и отсняли. И правда, здорово получилось. Мы потом монтировали — это были самые классные кадры.

— Я не могу осуждать Георгия Александровича. В конце концов, он имел право, чтобы его благородные намерения... — Олег Валерьянович осекся, словно со стороны услышав свой голос и ощутив всю ничтожность этого жалкого лепета.

Наташа понимающе вздохнула. Она была девушкой доброй, но слишком молодой, чтобы сознавать глубинный смысл старого изречения «ложь во спасение», а потому и продолжила с решимостью человека, считающего правдивую ясность великой добродетелью.

— Никаких благородных намерений у него и в помине не было! — отрезала она. — Этот затворник, эта голова профессора Доуэля, с самого начала придумал использовать вас в рекламных целях. Вот так. Потому он и соизволил вас принять, чтобы вы от восторга захлебывались прямо в камеру!

«А Сергей Борисович, такой доброжелательный, предусмотрительный, располагающий, он что — всего лишь фантазия? А его объяснения по поводу путча, ГКЧП и непонятных перспектив — это тоже всего лишь придумка?» — хотел было воскликнуть Олег Валерьянович, но промолчал.

Зато не промолчала Наташа. Она, словно снежинки, подхватила невысказанные вопросы Совкова и произнесла с легкой усмешкой, в которой сожаление естественно перемешалось с иронией:

— Бедолага Пилястров. Он, конечно, в этой истории оказался круглым дураком. Но, в конце концов, он помощник Кохановского. Тот его подставил, но нечего было подставляться.

...Всю ночь Олег Валерьянович не спал. Думал, вспоминал, сопоставлял. А утром все для себя решил. И от этого решения ему стало легко и... страшно. Однако это был не тот страх, который он знал все прошедшие годы. Это был не страх маленького человечка, зажатого большими обстоятельствами, — это был страх человека, сознающего, что никому другому, а только ему принадлежит выбор. И от осознания этого душа Олега Валерьяновича наполнилась удивительной легкостью.

3.

Если бы Георгия Александровича Кохановского спросили, что способно убить его в одночасье, он бы ответил: потеря библиотеки.

Это была удивительная библиотека — пожалуй, одна из самых богатых и значительных среди всех частных библиотек. Собирать ее начал еще прадед Георгия Александровича, профессор словесности Московского университета, а уж потомки его (тоже филологи, профессора и тоже Московского университета) не только сумели сохранить коллекцию, но и приумножили ее с истинно профессиональным знанием дела и наследственной любовью к книгам.

По нынешним временам библиотека оценивалась очень серьезными суммами, но президент компании «Консиб» совершенно не мог понять, какое отношение к книгам имеют деньги. Книги для него были бесценны.

Возможно, Георгий Александрович несколько по-иному смотрел бы на финансовую роль книг, если бы знал, что такое бедность или, по крайней мере, понятная многим его сверстникам забота «дотянуть до зарплаты». Но он ничего такого не знал: внук и сын состоятельных, по советским меркам, профессоров, выросший в большой квартире в центре Москвы, понятия не имел, что значит считать каждый рубль.

По большому счету, он вообще редко держал деньги в руках. В этом просто не возникало нужды. В последние годы, когда Георгий Александрович возглавлял компанию «Консиб», он имел все, что нужно, но денег не платил, ибо платили их другие. А до того, в прежней жизни, тоже всегда имелись люди, которые избавляли его от необходимости шариться в кошельке, и такими людьми были его родные.

Все это могло показаться крайне странным — ну не в башне же из слоновой кости жил человек, который всем был известен как основатель не какого-то монашеского скита, а крупной организации с разветвленными связями! Но в действительности все так и было. Георгий Александрович Кохановский жил в своеобразной башне, правда, не из слоновой кости, а из книг, и тому имелись свои причины.

Он родился тихим, замкнутым мальчиком, глядящим, казалось, вглубь себя. Как единственного, а потому особо любимого внука и сына, его бесконечно лелеяли и нежили, одаривая всевозможными игрушками. Любовь близких он воспринимал с детской естественностью, к игрушкам же относился с недетским равнодушием. Всевозможные машинки, конструкторы, плюшевые медвежата и прочие радости детского досуга привлекали его внимание от силы минут на десять, после чего тут же меркли рядом с очередной книжкой.

В пять лет Георгий читал уже бегло, в шесть был допущен к свободному странствованию по домашней библиотеке, а в семь лет, когда пришла пора идти в школу, недоуменно смотрел в букварь, силясь понять, какой же смысл заложен в этой книжке. Впрочем, тогда уже стало ясно, что в обычную школу Георгий не пойдет, а в необычную... Имело ли смысл?

Родителям Георгия не понадобились особые старания, чтобы добиться разрешения на индивидуальное обучение сына, итоги которого были оценены без предвзятости и поправок, но при этом очень высоко: по всем основным предметам в аттестате стояли пятерки.

Разумеется, Георгий поступил в Московский университет и, разумеется, на филологический факультет, однако никаких особых усилий от отца и деда тут также не потребовалось — знания абитуриента были безупречны. Старания родственников понадобились для другого — чтобы добиться для Георгия индивидуального режима обучения. Впрочем, эту проблему удалось решить относительно спокойно, после чего спустя пять лет Георгий получил отличный диплом и распределение на кафедру отца. Это был год, когда умер дед, и сотрудники кафедры судачили, что у Кохановских — истинная связь поколений. Впрочем, злыми эти пересуды назвать было нельзя — люди имели представление о научном уровне Георгия, при котором вовсе не обязательно надеяться на соответствующих родственников. Имелась, правда, одна нестыковка — младший Кохановский не преподавал студентам, но этот вопрос решили достаточно просто: его приняли в научно-исследовательский сектор младшим научным сотрудником, после чего Георгий окончательно растворился среди книг.

Конечно, его жизнь была странной — без друзей, без женщин, без каких-либо увлечений, без всего того, из чего складывается нормальная человеческая судьба. Он никуда не уезжал из Москвы, за исключением дачи, и вообще редко покидал свою квартиру. Поскольку он не посещал в буквальном смысле слова школу и университет, то и понятие «общество» соотносил исключительно с теми людьми, которые приходили к его родителям. Не имея никакого опыта общения со сверстниками, он и женщин воспринимал в основном через книги, научившись достаточно безболезненно справляться с плотскими порывами и пользоваться редкими ситуациями. О том, чтобы жениться, завести детей, он даже и не задумывался — слишком много прочитал о семейной жизни, чтобы повторять чужие ошибки.

Безусловно, большинство людей никогда бы не выбрали себе такую судьбу, но у Георгия Александровича она сложилась как сложилась, и он не только не роптал, но и был весьма доволен. Так продолжалось до тысячи девятьсот восемьдесят восьмого года, когда буквально друг за другом в течение месяца умерли сначала мать, а потом и отец, оставив сорокалетнего сына совершенно одного.

Первые недели он жил в странном полузабытьи, с трудом осознавая тот вакуум, который образовался вокруг. Самые близкие люди исчезли, сохранившись лишь в воспоминаниях и на фотографиях, а люди, которые считали себя близкими его родителям, хоть и появлялись время от времени в опустевшей квартире, но воспринимались Георгием Александровичем скорее как своего рода призраки — возникали и таяли без какого-либо заметного следа. Вскоре наступило лето, пора отпусков и каникул в университете, все разом разъехались кто куда, и Георгий Александрович погрузился в полное одиночество.

Да, он любил одиночество, но то было одиночество добровольное, а теперь он впервые понял, что такое затворничество, на которое обрекаешь себя не ты сам, а некие непреодолимые внешние обстоятельства. Одновременно навалились прежде неведомые чисто бытовые проблемы, и теперь он их постигал с мучительным испугом. И разом забродили, зацарапали мысли, которые были особо пугающими: что делать дальше, как работать без отца, на какие средства жить?

Георгий Александрович прекрасно понимал: все его знания и умения ограничиваются книгами и все это имело ценность, пока жил отец. Он также понимал, что единственной целью его существования было глубинное познание человеческих мыслей и судеб, запечатленных и сохраненных в книгах. Но это познание, которым он отнюдь не стремился делиться с окружающими, предназначая исключительно для себя самого, было лишено практического смысла, а его новая жизнь оказалась очень практичной. Все сорок лет он только и делал, что впитывал в себя энергию книг, и теперь настал час, когда пришлось заботиться об обычном пропитании. Он не был готов к этому.

Лето заканчивалось, заканчивалась пора естественного отпускного бездействия, и Георгий Александрович впал в тоску и отчаяние.

...Эти двое появились в последнюю неделю августа, когда Георгий Александрович начал думать, что детям отнюдь не всегда надо переживать своих родителей.

Одного он вспомнил сразу: хорошая зрительная память тут же выцепила худощавое остроносое лицо студента-дипломника, ходившего к отцу шесть лет назад. Отец считал парня очень толковым, но имевшим два недостатка: отсутствие московской прописки, разрешающей остаться в кругу столичной науки, и такого количества денег, которое позволяло бы не заниматься постоянно приработками на стороне. Другого визитера Георгий Александрович никогда не видел, однако сразу понял — именно он главный в этом тандеме.

Их появление удивило, а сделанное ими предложение повергло в изумление. Эти двое предложили Георгию Александровичу стать президентом компании со странным названием «Консиб». «Континентальная Сибирь», — пояснили ему, назвав сибирский город, где должен был обосноваться штаб компании.

Конечно, Георгий Александрович знал, вернее, читал о недавно появившемся законе о кооперации и вообще о бизнесе, но даже предположить не мог, какое он может иметь к этому отношение.

«Вы просто будете считаться президентом, — сказал тот, кто явно был за главного. — Вам не надо будет ни в чем разбираться и ничего делать. И разбираться, и делать будут другие. Вы же станете жить в полном довольстве, читать свои книги и лишь время от времени появляться в офисе. Конечно, вам придется подписывать различные бумаги, но тут можете совершенно не волноваться. У вас будет надежный помощник, который оградит вас от всех проблем, от ненужных контактов и прочего, что может хоть как-то осложнить вашу жизнь. Иными словами, мы предлагаем вам спокойное, обеспеченное существование, выдвигая лишь два условия: вам предстоит уехать из Москвы в Сибирь и в дальнейшем всецело полагаться на рекомендации, которые вам будет давать ваш помощник. То есть я, Сергей Борисович Пилястров».

Георгий Александрович думал два дня, а на третий согласился, решив, что ему нечего терять, кроме как приобретать. И в этом он не ошибся. Пилястров полностью выполнил свое обещание, устроив ему богатую, не обремененную проблемами жизнь.

Первые годы Георгий Александрович обитал в большой квартире, очень похожей на ту, в которой провел предыдущие четыре десятка лет, обставленной привезенной из Москвы мебелью и, разумеется, стеллажами с книгами. Был ли это намеренный выбор Пилястрова, Георгий Александрович не задумывался — его вполне устраивало, что он чувствовал себя в новом доме так, будто никогда не покидал старый. Заботы о быте его не волновали — этих забот попросту не существовало. Они решались сами собой.

Время от времени Пилястров привозил Георгия Александровича в офис, где тот сидел в большом полутемном кабинете и читал книги. Эти

выезды ему не нравились, но он не противился, сознавая, сколь мизерна плата за уединенную благополучную жизнь.

Он не знал и не пытался узнать, что делает возглавляемая им компания. В бумагах, которые давали ему на подпись, он не понимал ровным счетом ничего, да он их и не читал. Несколько раз в его кабинет выпускали людей с телекамерами, но буквально на пару минут. Те пытались что-то быстро отснять под бдительным присмотром Пилястрова, который не давал телевизионщикам подходить к Георгию Александровичу ближе, чем на три метра, и не позволял задавать вопросы.

Иногда Пилястров приводил в его кабинет каких-то людей. Они садились на противоположном конце длинного стола и что-то говорили. Это были короткие монологи, изначально не предполагавшие ответа. Правила игры Георгию Александровичу были ясны: он смотрел в лица людей, но почти их не видел. Ему это просто было не нужно, да и не позволено.

Через несколько лет Георгий Александрович переехал за город в большой коттедж вместе с парнем, которого звали Андреем и который, несмотря на внушительные габариты, умудрялся оставаться почти незаметным. Георгий Александрович никогда не стремился на природу, но березы, ели и сиреневые кусты, в избытке росшие вокруг коттеджа, навевали воспоминания о дачном детстве, действуя удивительно умиротворяюще.

На закате он любил посидеть на скамейке возле пушистой ели и подышать чистым, пропитанным хвойным ароматом воздухом. Этих прогулок, длившихся обычно не более часа, ему вполне хватало для ощущения физического простора. Его не смущало, что этот простор умещался на полутора гектарах, обнесенных забором с сигнализацией. Георгия Александровича никогда не манила безграничность пространства.

Он слишком привык к своему изолированному миру. К этому его приучила долгая жизнь глухонемого человека.

4.

Олег Валерьянович Совков не был мстительным. Он умел примиряться с мелкими невзгодами и крупными неудачами, находя смысл в том, что судьба витиевата, переменчива, но она ниспослана как данность. Это была вовсе не вера в Бога (воспитанный в атеизме, он так и не научился доверять Всевышнему) — лишь простое житейское разумение, основанное на проверенной практикой истине: жизнь полосатая. Конечно, Олегу Валерьяновичу хотелось побольше светлых полос, а темных полос ему не хотелось вовсе, однако он понимал, что желания и возможности — как два супруга, которые стремятся жить вместе, но при этом всегда находятся в состоянии развода.

И все-таки час настал. Он настал той самой ночью, когда Совков лежал без сна, вновь и вновь вспоминая все, что ему рассказала Наташа, и перекладывая ее рассказ на свою жизнь. Той ночью он понял: чаша

его судьбы наполнилась до краев и последняя капля, о которой столь часто говорят, не удержалась на кромке и упала вниз. Капля была обжигающей, зловонной и ядовитой. Она упала прямо в душу, и миролюбивая, спокойная душа полыхнула огнем мести. В первую секунду Совков ужаснулся, но тут же почувствовал такую легкость, какую не испытывал, кажется, никогда.

Он решил отомстить. Но он не умел мстить. Все, что придумывала его фантазия, очень быстро начинало казаться либо абсолютно нереальным, либо совершенно бессмысленным. Но это Совкова не расстраивало и не останавливало. Напротив, он вдруг ощутил, что в его жизни появился новый смысл — мощный и завораживающий. А еще у него появилась тайна — великая, принадлежащая только ему и оттого особенно чарующая.

Он с усердием архивариуса собирал все о компании «Консиб» и Георгии Александровиче Кохановском. Это напоминало одержимость фаната, который боится пропустить даже мелкую пылинку, упавшую на плечо идола. Но вот что удивительно: о компании «Консиб» он узнал великое множество самых разнообразных сведений, зато о самом президенте — лишь мелкие факты, да и те высказанные чаще всего в виде предположений. Ничего точного, определенного — почти всё на уровне фантазий и догадок, которые никто не опровергал, но и не подтверждал. Впрочем, очень скоро Совков понял: в этой загадочности как раз и нет ничего удивительного — именно на ней и строится имидж Кохановского.

Когда Олег Валерьянович прочитал, что президент «Консиба» переехал в коттеджный поселок «Сибирские просторы», то подумал: это тоже только предположение. Однако вскоре по телевизору показали сюжет с Сергеем Борисовичем Пилястровым, который подтвердил: все именно так, а поселок построила компания «Консиб». Как показалось Совкову, сделал он это без особого желания, добавив, что Георгий Александрович любит уединение и новый дом обеспечит ему это на все сто процентов. Одновременно Пилястров дал понять: любые попытки нарушить это уединение бессмысленны по определению.

В информации о новом жилище Кохановского не было, в принципе, ничего особо интересного: в то время многие «новые русские» активно переселялись в загородные дома, что вряд ли следовало считать чем-то примечательным. Лишь спустя три года все это обрело особый смысл — именно тогда, когда Олег Валерьянович ушел на пенсию и один из не очень близких, но давних знакомых, Николай, позвал его напарником на телефонный узел поселка «Сибирские просторы».

Работа, которую предложил Николай, была истинно пенсионерской: двое суток дежурить на этом самом узле и тут же вызывать мастеров, если возникнут какие-то проблемы со связью, а четверо суток отдыхать. По большому счету, плевая работа, и платили за нее соответственно — только пенсионеры да какие-нибудь совсем никчемные люди могли на такую согласиться. Но никчемных обитатели «Сибирских просторов» нанимать не желали. Они хотели иметь людей только приличных, а где их взять

по дешевке? Платить же приличнее они тоже не желали, трезво оценивая, что просто сидеть в уютном домике и дышать свежим воздухом (за год работы Совкова проблема со связью возникла лишь один раз) — это не то дело, на которое следует раскошелиться.

В действительности «Сибирские просторы» представляли собой два поселка, разделенные дорогой. Один, старый, был обычным дачным кооперативом, обнесенным изрядно пошатнувшимся за несколько десятилетий штакетником. Другой, новый, построили в течение последних лет пяти, и был он огражден от внешнего мира высокой металлической оградой с заостренными прутьями. Вдоль этой ограды с внешней стороны росли деревья и густые, явно искусственно высаженные ели, которые почти полностью скрывали обширные коттеджные участки от любопытствующих взоров.

Домик дежурных стоял за дорогой, на краю дачного кооператива, — служителям телефонного узла словно давали понять: ваше место рядом с нами, но не вместе с нами. И чтобы попасть на территорию поселка, дежурным необходимо было пройти через охрану, которой, судя по всему, платили хорошо, а посему и службу свою она несла исправно, четко ориентируясь, кому позволительно, а кому нет переступить границу новоявленных частных владений. Когда в самом начале Совков попытался, пользуясь своей служебной приобщенностью, пройти внутрь поселка, он был остановлен вопросом: «Есть проблемы со связью?» — и, ответив, что нет, тут же услышал: «Тогда вам сюда незачем».

А ему было зачем. Он хотел увидеть, где живет Георгий Александрович Кохановский. Потому что именно тогда, когда Николай предложил поработать в «Сибирских просторах», Олег Валерьянович понял: последний акт наступил и сама судьба дает ему в руки ружье, которое должно выстрелить.

Нет, Совков не собирался стрелять в Кохановского. Но он собирался сделать то, что медленно, исподволь, пугающе и одновременно завораживающе завладевало его изобретательной головой и обиженным сердцем. У него был лишь замысел, который поначалу вверг его в ужас, потом в смятение, а потом... Нечто надломленное окончательно сломалось в его душе, и мягкое, изрядно потрепанное годами сердце вдруг превратилось в твердый бесчувственный комок. Возможно, если бы в его силах было разорить Кохановского, опозорить или хотя бы плюнуть ему в лицо, Совков принял бы эту меру отмщения, удовлетворился бы ею и успокоился. Но ничего этого он не мог. Он мог лишь одно — убить. Пистолет, нож, яд — все это было совершенно нереальным, поскольку Совков понимал: ему никогда не удастся приблизиться даже на пару метров к человеку, надежно огражденному от всех и вся. А уж тем более ему не удастся спастись самому. Приносить же себя в жертву он не собирался — ни один враг не заслуживал такого подарка.

Совков решил убить Кохановского, подложив ему взрывчатку. Олег Валерьянович неоднократно видел по телевизору, как это делается.

Вернее, он видел итог, у которого никогда не было начала, — ни разу он не слышал, чтобы нашли того, кто совершил взрыв. Киллер с пистолетом был трудноуловим, но все же материален. Киллер же со взрывчаткой напоминал солнечный зайчик, которого никому не удавалось схватить руками: он мог спокойно валяться дома на диване, в то время как бездушный механизм отсчитывал последние минуты чужой жизни. Но для того, чтобы стать неуловимым, надо было очень тщательно подготовиться и прежде всего — детально изучить обстановку, окружающую президента компании «Консиб».

Совкову повезло — место, где жил Кохановский, он выяснил без труда благодаря природному любопытству и болтливости Николая. Совкову повезло вдвойне, потому что Кохановский занимал крайний угловой участок, ближе всех к дороге и, соответственно, к домику дежурных, а следовательно, подойти к нему можно было минуя охрану. Однако эта доступность была лишь кажущейся. От самой дороги участок отделяла полоса деревьев и невысоких густых елок плюс посыпанная щебнем узкая тропинка, которая вилась вдоль ограды. Деревья и кусты могли служить хорошей маскировкой для стороннего наблюдателя, однако благодаря тропинке любой, кто хотел бы вплотную приблизиться к ограде, неминуемо попал бы в поле зрения приборов слежения — опытный по части электроники взгляд Совкова определил это быстро. Вскоре понял Совков и другое: любое прикосновение к ограде тоже не осталось бы незамеченным — по верху металлических прутьев тянулись тонкие проводки, прикрепленные к миниатюрным датчикам.

Иными словами, незащищенность границ владений Кохановского в действительности была только кажущейся.

Совков не имел какого-то конкретного плана действий. Этот план еще предстояло разработать, согласуясь не с желаниями и эмоциями, а с трезвым расчетом и реальными возможностями. И он начал с того, что, прячась за елками, принялся наблюдать за всем, что происходило на участке президента компании «Консиб». Благо вечнозеленые ели служили вполне приличным укрытием даже зимой, а напарник Николай был большим любителем подремать, что и делал по несколько раз на дню, представляя Олегу Валерьяновичу полную свободу действий.

По большому счету, обнаружил он немного, но и это его порядком удивило. Совков знал о любви Кохановского к уединению, однако не предполагал, что это означает почти затворничество. Постоянно в коттедже, не считая хозяина, жил лишь один человек — высокий крепкий парень. Он редко выходил за порог дома — исключительно по совершенно конкретной надобности. Например, чтобы перенести продукты, которые привозили три раза в неделю.

Лишь одна машина подъезжала непосредственно к коттеджу. Из нее выходил единственный, кто посещал дом Кохановского, и это был Сергей Борисович Пилястров. Только для него открывались двери

в дом, что сильно удивляло Совкова. Допустим, Кохановский не во- дил компаний. Допустим, этот мозговой центр «Консиба» считал для себя достаточным руководить своим бизнесом посредством доверен- ного помощника. Но, будучи нормальным мужчиной, Совков не по- нимал, как Георгий Александрович обходится без общества женщин. Впрочем, примерно раз в неделю Кохановский садился в машину — все того же Пилястрова — и куда-то уезжал, чтобы через некоторое время возвратиться назад, снова в обществе неизменного Сергея Бо- рисовича.

Эти выезды были, по сути, теми редкими случаями, когда Коханов- ский покидал свою территорию. Но свой дом он покидал чаще.

Совков обнаружил это примерно через пару месяцев после того, как начал свои наблюдения. Обычно Олегу Валерьяновичу удавалось раза два сбегать к наблюдательному посту за елками, но в тот день к Николаю приехал его приятель с очень серьезным, как выразился тот, разговором, и Совков понял, что он лишний. В домике имелась лишь одна комната, и Олегу Валерьяновичу, человеку воспитанному, не оставалось ничего дру- гого, как удалиться во двор.

Нельзя сказать, что это его очень обрадовало. Стоял конец октября, первый снег припозднился и еще не выпал, но воздух был уже промозгло- холодным. Особенно вечером, а время как раз к вечеру и приближалось. Днем, улучив минуту, Совков уже наведаясь к коттеджу и застал тот са- мый момент, когда Кохановский вылез из машины Пилястрова и напра- вился в дом. Сам Пилястров из машины не вышел, лишь махнул рукой на прощание и тут же уехал.

Вряд ли этот день мог принести Совкову что-нибудь интересное, но ему все равно некуда было деваться, и он вновь отправился на свой на- блюдательный пост.

Минут десять он, прячась за елками (листва на других деревьях дав- но облетела, лишив Совкова дополнительного укрытия), бесцельно рас- сматривал словно напрочь вымерший участок. В коттедже горели лишь два окна — на первом и втором этажах, но они, как всегда, были плот- но зашторены. Возможно, именно из-за этих тяжелых штор в доме так рано зажигали свет, потому как, по мнению Олега Валерьяновича, в этом в данный момент не было особой нужды: по-осеннему не очень яркое, но все же свободное от туч солнце только-только начало скатываться к го- ризонту.

И в этот момент Совков увидел, как дверь коттеджа распахнулась и на крыльце показался Кохановский. В проеме мелькнуло лицо прислужи- вающего ему парня и тут же исчезло. Георгий Александрович был одет в теплое полупальто и ботинки на толстой подошве, его шею обвивал пуши- стый шарф, и весь вид хозяина дома свидетельствовал о том, что он отпра- вился на долгую прогулку. Такого Совков еще не видел. Но самым удиви- тельным для Олега Валерьяновича было другое — президент-затворник вышел на улицу без провожатых.

С полминуты Кохановский постоял на крыльце, словно привыкая к свежему воздуху, после чего неторопливо направился вглубь участка, где метрах в сорока от укрытия Совкова стояла деревянная скамейка, напоминая широкий шезлонг. Георгий Александрович опустил на нее свое могучее тело, откинулся на высокую спинку и замер, полуприкрыв глаза. Так в полном одиночестве и покое он просидел час.

На следующий день, в то же самое время, Совков вновь пришел на свой наблюдательный пост и вновь увидел Кохановского, направляющегося к скамейке. На сей раз Николай, заметив часовое отсутствие своего напарника, поинтересовался, куда тот под вечер подевался, но вдохновленный Совков весьма убедительно поведал о необходимости разминать ноги. Николаю это показалось вполне разумным. Он даже высказался в том духе, что движение тормозит старость, после чего, будучи старше Совкова на три года, предался излюбленному занятию — улегся на тахту перед телевизором.

Четыре дня, свободные от дежурства, Совков провел в нетерпении. На пятый день в отмеченный час он прокрался к ограде коттеджа, ожидая выхода Кохановского, но тот уже сидел на своей скамейке. Недели через две Совков понял эту закономерность: Кохановский выходил на свою прогулку не в один и тот же час, а в одно и то же время — когда начинался закат солнца.

А еще через две недели Олег Валерьянович придумал свой план — жуткий план мести не только Кохановскому, но и, по сути, всем тем подчас лишенным конкретного определения людям, от которых зависела судьба Совкова и которые отнеслись к этой судьбе как к чему-то пустому, не имеющему смысла. В те дни, когда Олег Валерьянович вновь и вновь складывал мозаику своего замысла, тщательно подбирая рисунок и пропорции, он со смесью ужаса и наслаждения думал о том, что вот сегодня, на закате жизни, когда за спиной остались все его прекрасные, но нереализованные планы, настал наконец миг воплощения хотя бы одной идеи. Хотя бы одной! Но и это было много, если учесть, что до того не было ничего.

Уже к декабрю Совков знал, как предстоит умереть Георгию Александровичу Кохановскому. Но он также знал, что волей обстоятельств Кохановский должен дожить до лета — до той славной поры, когда буйной зеленью разрастется трава, которую, как успел заметить Совков, на участке никто не подстригал и которая осенью лежала нетронутыми пегими холмиками. Эта трава была ему крайне необходима как самая надежная маскировка, призванная укрыть взрывчатку, аккуратно положенную под ту самую скамейку, на которой любил сживать в одиночестве Кохановский.

На первый взгляд, затея была невозможной по определению — ни одна живая душа не могла проникнуть на территорию участка, не будучи тут же засеченной датчиками сигнализации. Но Совков и не собирался пересекать надежно охраняемые владения. Он хотел, чтобы его

смертоносный груз — маленькую, но вполне достаточную для гибели одного человека взрывчатку — перенесла птичка, высоко летающая и точно знающая, где ее гнездо.

Такую «птичку» он изобрел несколько лет назад после того, как посмотрел некий зарубежный фильм про скалолазов. В целом фильм, название которого он быстро забыл, ему не понравился, но приглянулась одна деталь, которая разбудила его воображение: главному герою нужно было забросить крюк высоко на край скалы, а он не знал, как это сделать. Вот тогда Совков и придумал прибор, эдакую «птичку», способную с помощью радиоуправления пролетать несколько десятков метров по заданной траектории и, что особенно важно, переносить небольшой груз, освобождаться от него в точно заданном месте и возвращаться обратно.

В принципе, по мнению Совкова, в этом не было ничего особо сложного, но пользу он в этом видел значительную: такой прибор мог пригодиться в самых разных случаях, когда необходимо было что-то укрепить, присоединить или доставить в труднодоступное место. Совков считал, что при дальнейшей доработке у «птички» могли значительно увеличиться грузоподъемность, дальность полета, да и вообще расшириться функции. Но это никому не было нужно. Как и все остальное, что изобрел Совков. И вот теперь это понадобилось. Самому изобретателю.

Он распланировал все четко. Минут за десять до того, как Кохановский придет посидеть на свою излюбленную скамейку, Совков запустит свою «птичку», которая, взметнувшись метров на десять вверх (дабы не засекала сигнализация), аккуратно опустится в густую траву под скамейку, оставит там взрывчатку с часовым механизмом и благополучно вернется назад, после чего сам Совков отправится на свой телефонный узел дожидаться результата. Трава, по замыслу, должна была не только надежно спрятать орудие мести, но и заглушить тиканье часового механизма.

То, что взрывчатки не продаются на каждом углу, Совкова не смущало. Он не сомневался, что решит проблему, причем достаточно аккуратно, и сделал это зимой, проявив удивительные для него чудеса изворотливости и хитрости. Смущало Совкова лишь одно обстоятельство, которое никак не зависело от его расчетов. «А вдруг, — размышлял он, — по закону подлости в нужный день Кохановский раздумает идти на прогулку? Или вдруг куда-нибудь срочно уедет, или заболеет? Тогда взрыв уничтожит долго вынашиваемые планы — и все опять станет бессмысленным». Но Совков отгонял подобные опасения, напоминая себе, что за долгие месяцы Кохановский ни разу, за исключением нескольких особо морозных дней, не нарушил своего предзакатного расписания, а летом морозов нет.

По-хорошему, все можно было сделать уже в конце июня, однако Совков не спешил. Вернее, в душе он подгонял этот миг, но реально оттягивал его, успокаивая себя тем, что у него есть серьезная причина

не торопиться. Второе августа — день смерти его матери, который девять лет назад он пропустил из-за встречи с Кохановским. Знаменательная дата. Она заслуживала того, чтобы стать еще знаменательнее.

Но от второго августа пришлось отказаться. Причина оказалась совершенно житейской: эта дата выпадала на день отдыха Совкова, который никак не должен был стать днем отпущения. Олег Валерьянович прекрасно понимал: только его совершенно обоснованное присутствие на опасной территории способно гарантировать алиби.

Первым порывом было «переступить» обозначенную дату, но он не дал себе послабления. Более того, Совков вдруг понял: все складывается как нельзя лучше. Если он сделает свое дело тридцать первого июля, то, как в основном и случается, хоронить Кохановского будут второго августа, и тогда Олег Валерьянович, с известной всем регулярностью посещающий в этот день кладбище, сможет увидеть — пусть на мгновение, всего лишь проходя мимо, — момент погребения своего заклятого врага.

5.

Ком земли упал на полированную крышку дубового гроба, словно клякса на лист бумаги, разом уничтожив его первозданную чистоту.

«Ну вот и всё, — подумал Сергей Борисович Пилястров, — эту страницу уже можно вырвать из жизни». И ему стало грустно. Он даже не ожидал, что так сожмется его упругое, крепкое сердце, но знал, что совсем скоро, быть может уже через несколько минут, это пройдет, потому как смерть Георгия Александровича Кохановского не была для него трагедией. Просто заговорило то, что преследовало Пилястрова всегда, но с чем он научился успешно справляться, — чувство противоречия.

Его всегда тянуло к масштабным делам и большим деньгам. Но одновременно он был почти маниакально осторожным и предусмотрительным. Иного человека такое сочетание могло бы превратить в изорванную тряпичную куклу, у которой из каждой дырки выпадали бы клочья комплексов, однако Сергей Борисович с ранних лет научился лавировать между собственными противоречиями.

В старших классах он захотел поступить в Институт международных отношений. Ему казалось, именно этот вуз обеспечит по-настоящему грандиозные перспективы. Но семья Пилястровых жила в Сибири, не имела никаких столичных связей, и Сергей понимал: шансов поступить мало, зато шансов попасть в случае неудачи в армию много. И он выбрал оптимальный вариант — поступил в самый большой в родном городе вуз на весьма престижный факультет.

В студенчестве ему захотелось заработать много денег. Именно зарабатывать, потому что других приемлемых вариантов он не видел. Родители, этот стандартный для большинства его товарищей источник денег, в расчет не принимались — обычные инженеры с обычными окладами были не в состоянии дать ничего стоящего. Однако и традиционные для студентов

той поры разгрузка вагонов, дежурства ночными сторожами или даже работа в стройотрядах не казались Сергею верным решением: усилий эти занятия требовали много, а денег приносили не бог весть сколько.

Имелся, впрочем, один способ, на который отваживались самые смелые и предприимчивые ребята. В обиходе он именовался «фарцовкой», а в уголовном кодексе — спекуляцией. Сергей знал парочку парней, которые крутили очень большими по тем временам деньгами, но прекрасно понимал, что эти парни в любой момент могут угодить за решетку, а при самом лучшем исходе — вылететь из института. И придумал промежуточный вариант. Сергей ничего не продавал и не покупал. Он находил тех, кто хотел купить, и тех, кто хотел продать, и сводил их, получая соответствующие проценты. Денег зарабатывал, конечно, меньше, чем фарцовщики, но зато практически ничем не рисковал.

Большими деньгами запахло тогда, когда разрешили кооперативы. В отличие от многих первых кооператоров, которые принялись открывать частные кафе и торговать цветами, Пилястров сразу замахнулся на серьезный бизнес — благо к тому времени он, человек контактный и оборотистый, уже обзавелся весьма обширными связями. Однако природная осторожность подсказывала, что не стоит лезть поперед батьки в пекло, а лучше найти соответствующего «батьку». И он его нашел. Им стал Георгий Александрович Кохановский.

Поначалу Пилястров думал, что это ненадолго: либо первые экономические эксперименты свернут вместе с головами первых предпринимателей и на этом закончится карьера главы фирмы Кохановского, либо все войдет в нормальное русло — и тогда сама собой отпадет необходимость прятаться за чужую спину.

Конечно, выбор на роль зиц-председателя* глухонемого книжника был достаточно необычным, но и здесь Сергей Борисович все неплохо просчитал. Он не сомневался, что напрочь оторванный от повседневной реальности Кохановский — как раз тот редкий тип, который никогда не начнет свою независимую игру, вполне удовлетворившись спокойным обеспеченным существованием. Именно ощущение временности делало глухоту и немоту Кохановского, которые надо было тщательно скрывать, не очень серьезной проблемой, поскольку Пилястров полагал, что сохранять тайну ему предстоит недолго. Однако, как известно, в России нет ничего более постоянного, чем временное.

Опять же очень скоро Сергей Борисович понял, что на фоне нарочито показушной жизни большинства «новых русских» имидж недоступного и почти невидимого президента «Консиба» исключительно полезно сказывается на делах компании — серьезные партнеры предпочитали серьезных людей, а Кохановский именно таким и казался. Разумеется, партнеры предпочитали общаться с самим президентом, а не с его первым помощником, однако помощник был настолько толковым человеком,

* Зиц-председатель — подставное лицо, занимающее руководящий пост формально, без права принимать ответственные решения.

«Консиб» — настолько надежной фирмой, что вскоре полную изолированность от контактов Кохановского стали считать просто причудой необыкновенного менеджера, которая никак не мешает успеху дела.

Время от времени Пилястров начинал подумывать, не пора ли все ставить на свои места, но каждый раз что-то удерживало его от этого шага. И это «что-то» в определенной степени упиралось в ответ на вопрос, куда девать Кохановского. Самым простым было бы поселить его где-нибудь подальше, назначить приличное денежное содержание (по правде говоря, Кохановский никогда не обходился слишком дорого) и закрыть вопрос. Но Пилястров сознавал, что образ Кохановского уже давно существует сам по себе и просто вычеркнуть его из памяти и восприятия окружающих никак невозможно. Это с одной стороны. А с другой — ничто не бывает вечным. Рано или поздно многолетняя и пока очень успешная мистификация должна рухнуть, и трудно предположить, что окажется погребено под обломками. И это Сергей Борисович тоже учитывал.

Решение пришло осенью, около года назад. Именно тогда Андрей, верный человек Пилястрова и постоянная тень Кохановского, сообщил: видеокамеры засекли немолодого мужчину, который ежедневно стал появляться неподалеку от ограды коттеджного участка. Мужчина не предпринимал никаких действий, просто наблюдал, прячась за деревьями. Принес Андрей и видеокассету, на которой не очень четко, но все же вполне сносно различалось лицо неизвестного визитера.

У Сергея Борисовича была прекрасная память. Всего лишь пара секунд — столько понадобилось ему, чтобы вспомнить забавного изобретателя, которого несколько лет назад он замечательным образом использовал для съемок рекламного фильма о компании «Консиб». Даже режиссерша, вздорная, но талантливая баба, тогда признала: самыми удачными были именно кадры с этим восторженным мужичком. Пилястров срежиссировал их сам, как всегда точно угадав, что самое убедительное — неподдельная искренность.

Еще несколько минут понадобилось Сергею Борисовичу, чтобы вспомнить фамилию того чудака. Ну да, конечно, Совков. Очень примечательная фамилия для человека ушедшей советской эпохи. «Интересно, зачем он появился?» — подумал Пилястров, и сладкое предчувствие медленно растеклось у него в душе.

Затем он отдал распоряжение Андрею: мужчину не трогать, только наблюдать. После чего вызвал к себе двух доверенных людей и поручил им собрать сведения о Совкове.

Очень быстро он узнал все — по крайней мере, все, что представлялось ему полезным. Но зимой он узнал самое главное: Совков добыл взрывчатку. «Замечательно!» — отдал должное Пилястров не столько Олегу Валерьяновичу, сколько своей интуиции.

Лишь два момента смущали Сергея Борисовича. Он никак не мог понять, когда и каким образом Совков собирается использовать взрывчатку.

В этом следовало разобраться, и уже не на уровне интуиции, а на основе логики. Пилястров не сомневался: если человек столько лет выжидал, прежде чем решиться на убийство, то, даже будь он таким нелепым недотепой, как Совков, все равно постарается все тщательно спланировать. И еще Пилястров подумал, что люди эмоциональные (а именно к ним Сергей Борисович причислил Олега Валерьяновича) любят связывать свои поступки с некими внутренними символами. Следовательно, эти символы необходимо найти.

Пилястров еще и еще раз складывал, переставлял и перетасовывал всю информацию, которую собрал о Совкове и которая почти сплошь состояла из малозначимых, на первый взгляд, бытовых деталей, пока вдруг не уперся в одну: каждый год второго августа Олег Валерьянович приходит на могилу своей матери. И тут же он вспомнил, что почти девять лет назад, именно в начале августа, состоялась встреча Совкова с Кохановским.

У Сергея Борисовича была замечательная привычка — он никогда не выбрасывал никакие деловые бумаги, к которым относил и ежедневники. Он пролистал ежедневник за девяносто первый год и нашел то, что искал. На странице, помеченной вторым августа, значилось: «Олег Валерьянович Совков. Съёмка». В ближайшие же часы Пилястров уточнил, что Совков появляется около коттеджа исключительно в дни своих дежурств, а по графику работников телефонного узла первые четыре дня августа Совкову следовало отдыхать. И тут же сообразил: обычно людей хоронят на третий день после смерти, значит, именно ко второму августа Совков решил приурочить это событие, и, значит, план свой он намерен осуществить тридцать первого июля. Однако каким образом?

Пилястров разгадал и эту загадку. Ответ он нашел в папке с набросками и чертежами, которую Совков оставил в кабинете Кохановского и которую Сергей Борисович также положил в архив. Помнится, в тот день, бегло просмотрев содержимое папки, он отметил, что в ней немало любопытного, но тогда это его не занимало. Его это заинтересовало сейчас. Имея ту же специальность, что и Совков, Пилястров сразу оценил оригинальность идеи.

Разговор с Андреем был короткий.

— Тебе не надоело постоянно торчать при Георгии Александровиче?

Андрей вздохнул. Ему исполнилось тридцать четыре года, из них шесть лет он, по сути, вычеркнул из своей жизни. Однако та цена, которую за это платили, примиряла его с обстоятельствами.

— Ты будешь получать не меньше, а может, и больше. При этом у тебя будет нормальная работа и нормальная жизнь. Тебя это устраивает?

Андрей не задумываясь ответил:

— Да.

Телефон зазвонил, и Пилястров тут же снял трубку.

— Все в порядке, — сообщил Андрей. — Он только что вышел из дома. А тот ждет уже минут пятнадцать. Но... — Андрей сделал паузу, и Пилястров все понял.

— Если что, ты знаешь, как действовать.

— Да, — подтвердил Андрей.

Накануне Совков окончательно выверил все. Взрыв должен был прозвучать минут через двадцать после того, как Кохановский займет привычное место. Десять минут туда, десять минут сюда — для страховки.

Совков стоял в своем укрытии, сжимая в руках «птичку» и чувствуя, как все холоднее становятся его ладони и все горячее — лоб. Он долго ждал этих минут, и вот они настали. Наступила пора действовать, но...

Совков с ужасом сознавал, что минуты капают сквозь его пальцы, которые продолжают стискивать чужую смерть, а он не может даже пошевелить этими пальцами — тяжелыми, словно каменные наросты на каменных руках. Его мысли бешено бились о черепную коробку, глаза сквозь дикую резь наблюдали за приближающимся Кохановским, душа заходила в крике... Однако налившиеся невероятной тяжестью руки оставались недвижимы.

В тот летний вечер Кохановский, как обычно, вышел прогуляться и, как обычно, сел на скамейку, предавшись размышлениям о только что перечитанном «Житии протопопа Аввакума». Он думал, что фанатизм, тесно переплетенный со стоицизмом, способен порождать некую сверхчеловеческую энергию, для которой все земное бессмысленно. И еще он думал о том, что очень интересно познавать истоки чужого самоотречения, но все же человек рожден отнюдь не для страданий, а для удобной жизни, которую не заменит никакая фанатичная вера.

Он смотрел на деревья, на траву, на клумбу с неведомыми ему цветами и вдруг увидел яркую вспышку — нечто безумно-ослепительное, перемешанное с комьями земли и клочками зелени.

Георгий Александрович Кохановский ничего не успел понять и не успел испугаться. Смерть накрыла его мгновенно и бесшумно. Георгий Александрович ее не услышал.

Как не слышал никогда и ничего в своей жизни.

— Олег Валерьянович! Вы ли это?

Пилястрову не было нужды окликать Совкова, но он не смог удержаться. Он давно заприметил, как тот брел по кладбищенской аллее, не спеша «пересекая» с моментом погребения, на минуту приостановился — ни дать ни взять случайный любопытствующий. Пилястров окликнул Совкова, когда тот направился уже к воротам кладбища, и с интересом наблюдал, как Олег Валерьянович слегка вздрогнул, обернулся и принялся морщить лоб, словно пытаясь вытащить из глубин памяти облик человека, назвавшего его имя.

«А актер-то вы так себе! Плохонький, прямо скажем, актеришка, — подумал Пилястров и мысленно добавил: — Как, впрочем, и убийца».

Сергей Борисович достаточно изучил биографию Совкова, чтобы предположить: в последний момент у этого мстителя что-нибудь сорвется, а скорее всего, сорвется он сам, и если не подстраховаться, то сорвется все дело — безнадежно и окончательно.

Пилястров подстраховался. Вернее, это сделал Андрей, заранее подложив под скамейку радиоуправляемое устройство со взрывчаткой. Подстраховался Пилястров и в другом. На случай, если милиция возьмется за дело со всем старанием и труды ее не пройдут даром, Андрей «вспомнит», что он неоднократно видел рядом с участком Кохановского одного и того же человека, а самого Пилястрова «осенит», что он встречался с этим человеком, более того, с ним встречался Кохановский, а затем из архива будут извлечены чертежи Совкова, и...

— А-а... здравствуйте... — Совков продолжал морщить лоб.

Пилястров улыбнулся, постаравшись придать своей улыбке подобающую грусть.

— Вот видите, мы снова встретились, — сказал он. — Но, увы, на сей раз по печальному поводу. Что поделаешь, не всегда мы управляем своей судьбой, порой ею управляет случай. Вот и тогда — вы помните, девять лет назад? — такой хороший случай свел нас с вами. А вот ведь ничего не получилось... Н-да... Георгий Александрович решил, что нам это не нужно. Хотя я внимательно изучил ваши предложения. Там было немало любопытного, я это хорошо помню.

— Да-да... спасибо... — кивнул Совков и обернулся в ту сторону, где кладбищенские работники споро забрасывали могилу свежей землей.

Пилястров проследил за его взглядом и вздохнул:

— И вот вам тоже случай. Совершенно поразительный случай! Дом, где жил Георгий Александрович, был защищен такой надежной сигнализацией, какую уж не знаю, где еще можно найти в нашем городе. А вот ведь умудрился же кто-то подложить взрывчатку! Хотя, казалось бы, не то что человек — птичка незаметно не пролетела бы.

— Да-да... конечно... птичка... — с искренним недоумением пробормотал Олег Валерьянович, и Пилястров, тоже с искренним недоумением

и ничем не объяснимой внутренней тревогой, увидел, как в глазах Совкова тревожно вспыхнули, затрепетали и медленно погасли бледно-голубые огоньки.

8.

На сороковой день после смерти Георгия Александровича Кохановского все новостные передачи местных телеканалов начались с сообщения о том, что утром была взорвана машина нового президента компании «Консиб» Сергея Борисовича Пилястрова. В момент взрыва в машине находился сам Пилястров вместе со своим водителем и помощником Андреем Васильевичем Киселевым, в недавнем прошлом телохранителем Кохановского.

Телевизионщики приводили интервью с работниками правоохранительных органов, которые высказывали предположение, что почти одинаковые убийства двух руководителей известной компании явно являются заказными и, скорее всего, связаны с деятельностью самой компании.

Показывали телевизионщики и беседу с охранником небольшой частой автостоянки, обслуживающей только жильцов одного элитного дома, где у Пилястрова была квартира. Здоровенный парень с лицом профессионального боксера ошарашенно смотрел в камеру и с растерянностью малого ребенка бубнил:

— Сергей Борисович, он завсегда, как часы, в восемь тридцать уезжал. Ни на минуту не опаздывал. Помощник, он же у него и за водителя, тоже всегда минут за пять до того к нему в квартиру поднимался, а потом уж они вместе уезжали... Ну, они, как всегда, в машину сели, за ворота выехали — и только до угла улицы доехали, как тут и шарахнуло! Не так чтобы сильно шарахнуло-то, рядом только столб фонарный покорежило, но им хватило. А уж когда им адскую машинку подложили, и уразуметь нельзя. Андрей, помощник то есть, вечером, когда машину на стоянку ставил, он ее со всех сторон осматривал. Да у нас никто бы ничего подsunуть не мог. У нас здесь круглосуточно два человека дежурят. А стоянка — так себе, пятак, все на глазах. Да еще ограда... Мимо нас не то что человек — мышь не прошмыгнет! Разве что птичка какая пролетит...

